

**СОВЕТСКИЕ
РАЗВЕДЧИКИ**

В КИНО И В ЖИЗНИ

ВОСЕМНАДЦАТОЕ МГНОВЕНИЕ ВЕСНЫ

**ПОДЛИННАЯ
ИСТОРИЯ
ШТИРЛИЦА**

Советские разведчики в кино и в жизни

Эрвин Ставинский

**Восемнадцатое мгновение
весны. Подлинная
история Штирлица**

«Алгоритм»

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ставинский Э.

Восемнадцатое мгновение весны. Подлинная история Штирлица / Э. Ставинский — «Алгоритм», 2016 — (Советские разведчики в кино и в жизни)

ISBN 978-5-906861-63-4

Чекист Максим Максимович Исаев, он же Всеволод Владимирович Владимиров, он же штандартенфюрер СС Штирлиц – кем на самом деле был этот человек? О трагической судьбе особо ценного агента внешней разведки НКВД – Вильгельма Лемана (А/201, «Брайтенбах»), настоящего, а не придуманного Штирлица рассказывает эта книга.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906861-63-4

© Ставинский Э., 2016
© Алгоритм, 2016

Содержание

Глава 1. Обманутая баронесса	7
Глава 2. Первые контакты с советской разведкой	16
Глава 3. Павел Корнель, оперативный псевдоним Жан	24
Глава 4. Лубянка ставит на Лемана	30
Глава 5. Нацисты у власти	43
Глава 6. Брайтенбах укрепляет авторитет в гестапо	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Эрвин Ставинский

Восемнадцатое мгновение весны.

Подлинная история Штирлица

© Ставинский Э., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Шел победный май 1945 года. Берлин лежал в руинах. В развалины были обращены многие здания на Вильгельмштрассе и Принц-Альбрехтштрассе, где еще недавно размещались различные службы Главного управления имперской безопасности – ГУИБ (немецкая аббревиатура РСХА).

На пепелище одного особняка, где находилась тайная государственная полиция, которой руководил группенфюрер СС Генрих Мюллер, группа офицеров советской разведки и контрразведки искала сохранившиеся документы. Эту специальную команду возглавлял резидент внешней разведки НКГБ полковник Александр Коротков.

В одном из заваленных полусожженными бумагами помещений офицер из группы Короткова подобрал учетную карточку на хауптштурмфюрера СС Вильгельма Лемана, арестованного в декабре 1942 года. В чем обвинялся этот гестаповец и что с ним стало, никаких пометок в карточке, вопреки немецкой пунктуальности, не было...

Оперативному работнику невысокого звания указанная в карточке фамилия ровным счетом ничего не говорила, да и среди руководителей разведки того времени о Лемане знали лишь единицы. Загадочный бланк попал в кипу найденных материалов и был отправлен в Москву.

К сожалению, полковнику Александру Короткову никто не доложил об обнаруженном документе, отчасти проливавшем свет на судьбу антифашиста в эсэсовском мундире, с которым разведчик работал перед войной и чьи следы надеялся отыскать в поверженном Берлине.

Объем и особая важность возложенных на полковника, а затем генерал-майора Короткова после победы Советским правительством ответственных заданий (до своей преждевременной кончины в 1961 году он был одним из руководителей внешней разведки КГБ) были таковы, что все вопросы разведывательной работы, не имевшие чрезвычайной срочности, пришлось отложить на более позднее время.

Найденная учетная карточка арестованного поступила в соответствующее подразделение центрального аппарата НКГБ, где и было установлено, что бесследно исчезнувший хауптштурмфюрер СС Леман был не кем иным, как надежным и проверенным особо ценным агентом советской внешней разведки, известным под псевдонимом А/201 и Брайтенбах.

Привлечение на свою сторону этого человека было большой удачей внешней разведслужбы. На протяжении многих лет он, образно выражаясь, был щитом для советских разведчиков в Германии, оберегавших их от ударов немецких контрразведывательных органов. Он своевременно предупреждал нашу резидентуру в Берлине о выходе немецких контрразведчиков на след ее сотрудников и агентов, о ведущихся оперативных разработках, о готовящихся арестах, в том числе и немецких коммунистов.

Леман информировал московский разведцентр об особенностях обстановки в стране, об истинных планах и намерениях главарей гитлеровского рейха, намеченных политических и военных акциях, закулисной борьбе в нацистской верхушке – словом, обо всем, что дер-

жалось правящим режимом в строгом секрете от общественности и дипломатического корпуса, но становилось известным ему по службе. Он передал большой объем информации о военной промышленности фашистской Германии и производимой ею продукции, о новейших военно-технических разработках. За несколько дней до начала Великой Отечественной войны он предупредил резидентуру в Берлине о точной дате и времени наступления германских войск.

Так что же за человек был Вильгельм Леман, этот настоящий, а не придуманный Штирлиц? Что, собственно, побудило его, преуспевающего чиновника берлинской полиции, человека рассудительного и уравновешенного, решиться на столь неординарный шаг, как предложить свои услуги советской разведке?

Почему он, хауптштурмфюрер СС, ответственный чиновник в контрразведывательном отделе тайной государственной полиции, несмотря на постоянный риск и смертельную угрозу, оставался до конца преданным выбранному пути и стойко принял мученическую гибель во имя торжества общечеловеческих идеалов?

Обо всем этом, а также о других приключениях Вильгельма Лемана любители исторической правды могут узнать, прочитав предложенную книгу.

Глава 1. Обманутая баронесса

Как ни странно, Вилли привязался к Эрнсту, хотя Эрнст – хам и настоящий преступник. Его долго не могли ни в чем уличить, настолько он был ловок и хитер. Но на этот раз Кур все-таки попался. На оккупированной немцами территории Польши, куда он выезжал в служебную командировку, был убит некий Вальтер Людерс, исчезли принадлежавшие ему пятнадцать тысяч марок. Вскоре точно установлен убийца. Он чиновник отдела Ia берлинского полицейско-президиума Эрнст Кур.

Эрнст пытался оправдаться, мол, дело политическое, покойный сам напал на него по причине политического характера, и ему ничего другого не оставалось, как, обороняясь, застрелить Людерса. Говорил он так, потому что партия в беде его не оставит.

Партия пыталась вызволить его из этой грязной истории. Обвинение настаивало, что убийство совершено из корысти. Эрнста поместили в берлинскую следственную тюрьму, и ему грозило заключение на длительный срок. Из полиции Кура, конечно, уволили.

Однако через несколько недель Вилли узнал, что следствие по делу Кура прекратили, а его самого отпустили на свободу. Кто бы ни заговаривал с Вилли об этом, он упорно отстаивал версию, будто Эрнст оборонялся и убил своего противника во время допроса, когда тот на него набросился и попытался задушить.

По характеру Вилли был проще, тогда как Эрнст, в отличие от несколько медлительного друга, был изворотлив и ловок. Вообще, друзья дополняли друг друга.

Да, они были связаны друг с другом еще с юности, когда их родители были учителями, а Вилли и Эрнст посещали одну и ту же народную школу в Лейпциге. Правда, потом их пути разошлись. Эрнст поступил в реальную гимназию, а Вилли пошел учиться на столяра, а затем добровольцем стал служить на военно-морском флоте.

Сейчас их пути снова скрестились. Они постоянно держались вместе, нередко пускались в скользкие дела и никогда не выдавали друг друга.

Поэтому сейчас, получив известие о друге, Вилли думал о нем с теплотой и нежностью. Они договорились встретиться в Мюнхене, для чего Леман испросил в отделе короткий отпуск.

Через два дня, вечером, Вилли стоял на перроне мюнхенского вокзала и, вытянув шею, общаривал взглядом вагоны только что прибывшего берлинского поезда. Наконец из купе мягкого вагона показался Эрнст. Выглядел он похудевшим, глаза запали, губы стали еще тоньше, но он улыбался. И это была улыбка сообщника, довольная, уверенная и хитрая. «Неплохо он выглядит, черт возьми, – подумал Вилли, – и это несмотря на тюремные приключения».

– Вот здорово, что ты вернулся! – приветствовал друга Леман. А сам подумал: «И пальто на нем новое, и в мягком вагоне прикатил... Скажи, пожалуйста!».

Эрнст не мешкал, быстро остановил такси, и друзья направились в приличный отель «Кайзергоф». Удивление Вилли нарастало.

– Ну, рассказывай, – торопил он, когда друзья остановились на тротуаре у входа в отель. – Наверное, есть что рассказать.

– Я ужасно скучал по тебе, – громко, стараясь перекрыть уличный шум, ответил Эрнст и хлопнул Вилли по плечу. – Иногда мне так требовалась твоя поддержка, уж очень скверно было на душе.

– Я это знал, но ничего не мог поделать!

Наконец они вошли в отель. Эрнст тут же потребовал хороший номер. Подошел посыльный, взял чемодан, и они не спеша поднялись наверх.

Потом Эрнст открыл чемодан, вынул необходимые вещи и пошел в ванную. Расслабившись в теплой воде, он принялся откровенно рассказывать о своих злоключениях.

– Но как бы гнусно ни оборачивалось дело, – говорил он, – я, в сущности, никогда не сомневался, что все кончится хорошо. Я был уверен, что партия добьется своего. И она меня не подвела.

– Я чего-то не понимаю, – заметил Вилли, – ведь за первого встречного партия не будет вступаться, так?

– Ну конечно, – подтвердил Эрнст, энергично обтираясь мохнатой простыней. – Ну да, у меня есть заслуги и связи. А ты как думал. Я им помогал, когда работал в полиции. Заломон меня в беде не бросит. Теперь мои отношения с Францем стали еще теснее, – хвастался он.

Ужин принесли в номер, и Эрнст начал рассказывать, как он стал своим человеком в нацистской партии и что теперь он надеется жить на ее средства. Отсюда и новое пальто и мягкий вагон.

– И все это время ты скрывал от меня свою связь с нацистами? – удрученно вопрошал Вилли. Но Эрнст лишь хитро улыбался.

Когда речь шла о повседневной жизни, Вилли обычно соображал медленно, и сейчас он с трудом переваривал рассказ друга. «Значит, Эрнсту не только удалось избежать последствий того “мокрого дела”, он даже ухитрился извлечь из него пользу, – думал Вилли. – А мне нечем похвастаться. Как был, так и остался ассистентом в политическом отделе». Эрнст заметил, как омрачилось лицо друга, и довольно бесцеремонно спросил:

– Ну а деньги у тебя водятся?

– Найдутся, – пытаюсь сохранить достоинство, ответил Вилли, – триста марок в месяц полиция мне гарантирует. Кое-что подрабатываю в частном сыске.

Эрнст помолчал и решил переменить тему разговора. Он стал объяснять, почему он приехал в Мюнхен и пригласил сюда Вилли. Оказалось, что завтра на большом партийном собрании в цирке «Кроне» его, возможно, смогут представить руководству и мюнхенским членам партии. Это очень важно, считал он.

– Франц Пфедфер фон Заломан прилетит из Берлина, чтобы самолично представить меня, – похвастался Эрнст, – тебе тоже там надо быть, может, удастся представить и тебя.

Вилли внимательно всматривался в лицо друга и все никак не мог понять, как обычный с виду парень мог добиться столь ощутимых успехов в жизни. А Эрнст между тем зевал и блаженно потягивался, лежа в кровати.

Вернувшись к себе в отель на Румфордштрассе, Вилли долго лежал без сна, размышляя об успехах Эрнста. «А деньги у него есть, это сразу видно, партия не хочет, чтобы он голодал. Только бы все закончилось благополучно», – думал он, прикрывая заботливостью свою зависть к другу.

Эрнст всегда старался устроить себе хорошую жизнь и при этом вечно попадал во всякие истории. Не очень было прилично, когда поднялся шум из-за каких-то роялей, которые Эрнст во время войны вывез из Польши в Германию. Да и теперешние дела друга, эти поручения партии, которые он выполняет, вызывают подозрение. Ведь не ради его прекрасных глаз партия несет такие расходы. Очевидно, его вынуждают заниматься рискованными делами. Может, даже «мокрыми».

Во время последних выборов национал-социалистическая партия заметно укрепила свои позиции. Миллионы немцев поверили, что только она сможет стать силой, способной вызволить Германию из тисков экономического кризиса. Они считали, что новому правительству удастся решить острые социальные и внутривластные проблемы.

Эрнст пожурил друга: быть членом нацистской партии сейчас очень важно. Пожалуй, придется приложить к этому руку. Заметив, что Вилли усмехается, он заверил:

– Уж ты на меня положишься. Твой друг кое-что умеет в этой жизни!

Вилли не возражал, однако недоверчивое выражение не сходило с его лица. Ведь Эрнст при всей его ловкости не смог даже удержаться в полиции, с треском оттуда вылетел, а теперь намеревается стать высокооплачиваемым политическим агентом. «Вот уж любитель похваляться!».

Когда они вошли в битком набитый зал, Вилли, к своему удивлению, убедился, что Эрнст не хвастал. Вилли глазам своим не поверил: Эрнст, этот бывший обер-вахмистр и мелкий полицейский чиновник, сын покойного школьного учителя Игнаца, оказался своим среди собрания нацистской партийной верхушки. Он свободно общался с какими-то бонзами, обменивался мнениями со знакомыми, кому-то кивал, махал рукой. Вилли был просто поражен. Удивление вызывал не только столь большой успех, сколько та уверенность и непринужденность, с которыми Эрнст держался в этой необычной обстановке. Он чувствовал себя здесь как рыба в воде.

Вилли, зная, что мюнхенский отдел политической полиции внимательно наблюдает за нацистами, решил держаться в сторонке. Не знающие его люди раскланивались с ним, принимая его за одного из партийных бонз. Эрнст же все время суетился и при каждом удобном случае повторял, что сам-то он ничто, просто так сложились обстоятельства, что ему удалось оказать партии кое-какие услуги, но вот его друг – это да! Очень способный человек! Обратите на него внимание.

Наконец появился близкий знакомый Эрнста, которого Вилли прекрасно знал по полицейским сводкам и публикациям в печати, – начальник штаба штурмовых отрядов Франц Пфеффер фон Заломон. Эрнст сразу же подошел к нему, угодливо раскланялся, внося при этом какую-то понятную им интимность, а тот лишь снисходительно улыбался и кивал в ответ.

Франц фон Заломон был небольшого роста, гладкий, холенный, с розовой кожей и склонностью к полноте. Его светлые глазки хитро поглядывали из-за прищуренных век. Одет он был в коричневую форму нацистского руководителя, и она шла ему, делая его полноватую фигуру более подтянутой.

– Значит, вы и есть друг нашего Эрнста, – сказал он, небрежно протянув Вилли мягкую вялую руку и бесцеремонно разглядывая его с ног до головы.

Вилли чувствовал себя неловко, не зная, как ему следует расценивать слова фон Заломона. Несмотря на внешнюю простоту обращения, в нем ощущалась высокомерность и какая-то барская презрительность к окружающим. Он играл здесь одну из первых ролей и сознавал это, как сознавали и все окружающие. От него веяло силой, самоуверенностью и вместе с тем каким-то предвестием беды, и, как ни заманчива была для Вилли мысль о знакомстве с этим человеком, внутренний голос опытного полицейского предостерегал его от сближения.

– Я приехал в Мюнхен по делам партии, – отрывисто заговорил фон Заломон, – но Эрнст просит представить его фюреру. Если вы не против, я готов представить и вас.

Он улыбался, и его светлые глазки весело смотрели в светло-серые глаза Лемана. Вилли спокойно выдерживал этот взгляд. Однако фон Заломона кто-то отвлек, потом все двинулись в круглый зал цирка, и, судя по всему, он быстро забыл о друзьях.

Леман отметил про себя, с какой ловкостью и блеском подает себя партия. Все было в одном стиле: грозные черные свастики на белых кругах посреди кроваво-красных полотнищ, коричневые рубашки, бравурная музыка, крики толпы, затаенные надежды людей, сидящих в ожидании перед наполненными до краев пивными кружками, когда можно будет с воодушевлением прореветь «хайль», приветствуя обожаемого фюрера.

Наконец Гитлер появился, не спеша прошествовал к трибуне, поднялся на нее и с мужественно-замкнутым лицом принял приветствия своих преданных сторонников. Некоторое время он молчал, потом поднял руку, успокаивая возбужденных почитателей, и нако-

нец заговорил. Его натренированный голос заполнил зал и сердца слушателей. Говорить на литературном немецком языке и избегать нарушений основных правил немецкой грамматики ему было трудно. Однако фюрер интуитивно понял, что сейчас неважно, правильно ли построены фразы с точки зрения грамматики и имеют ли они смысл. Важно покорить сердца людей, и тут все зависит от оратора – его позы, подъема, трепета и громовых раскатов голоса. Поэтому он не очень-то продумывал содержание своей речи. Пока Гитлер говорил, он верил, и вслед за ним верила толпа. Перед глазами замороженной публики он ненавидел, презирал, восхищался, и вслед за ним подобные чувства испытывал весь зал.

Наконец грандиозный спектакль подошел к своему концу, раздались крики, бурные аплодисменты. Все встали, приветствуя своего идола.

После собрания руководители партии направились вместе с фюрером в винный погребок на Барерштрассе. Эрнст крутился у входа, надеясь, что фон Заломон выполнит свое обещание, но тот забыл о друзьях.

Леман проводил друга до гостиницы.

– Почему бы тебе не подняться? Выпьем по маленькой на ночь? – предложил Эрнст. Он устал, был разочарован поведением «своего друга Франца» и поэтому сразу лег в постель. Вилли сидел за столом и маленькими глотками потягивал коньяк.

– Ты такой чудак, Вилли, – начал Эрнст с издевкой. – Если я не займусь твоими делами, чего ты добьешься в полиции? Если друг тебе не поможет, ты так и останешься на бобах со своими знаниями криминалистики.

Он еще долго продолжал рассуждать в таком же духе, пока Вилли, терпеливо его слушавший, в конце концов не выдержал и заявил:

– Да, ты добился успеха, ничего не скажешь, ловко выкрутился из уголовного дела. Быть героем процесса о шантаже, устроить пальбу и завалить человека – не всякий на такие штучки решится. А толку-то! Судя по поведению твоего друга Франца – никакого!

Эрнст демонстративно отвернулся и стал зевать.

– И охота тебе нести эту чушь, Вилли! Хоть тебе и сорок два годка стукнуло, а рассуждаешь ты как школьник. Знаешь, я очень устал. Давай поговорим, когда отдохнем. Спокойной ночи!

«Очень приятно поговорили», – подумал Вилли.

На следующий день, когда друзья снова сидели в номере отеля, Эрнст вернулся к вчерашней теме.

– Давай поговорим о твоём будущем, – заявил он, закуривая сигарету и удобно усаживаясь в кресле. – Расскажи подробнее о своем положении.

– Положение мое не очень завидное. Сiju на картотеке в пятом отделении, получаю около трехсот марок в месяц.

– Понимаю, понимаю, – с глубокомысленным видом заметил Эрнст. – Но триста марок – это только триста марок, особенно на них не погуляешь. – Он встал, хитро блесну карими глазами. – К тому же любовницу надо содержать. Твой покойный папаша, наверное, сказал бы: «Другого такого отпетого лодыря, как Вилли, не найти».

Слушай, Вилли, у меня есть одна идея. Сначала я расскажу тебе об одной женщине, некой баронессе Элизабет фон Грозигк. Эта Грозигк – одна из влиятельнейших берлинских дам, очень богатая, род не менее древний, чем у Гогенцоллернов¹. В ее доме бывает весь берлинский высший свет, она – из немногих аристократок, поддерживающих нацистскую партию. Кстати, именно эта Грозигк и спасла меня в тюрьме: не будь ее, я бы никогда не выпутался бы из этой истории.

Он замолчал, ожидая реакции Вилли, но тот молчал. Тогда Эрнст продолжил:

¹ Гогенцоллерны – династия бранденбургских курфюрстов, прусских королей, германских императоров (1871–1918).

– И знаешь, когда она первый раз пришла ко мне в тюрьму, меня сразу же осенило: «Эта куколка прямо для Вилли!». Представь себе картину, сижу я в тюрьме, дело идет о моей жизни и смерти. И вот сейчас придет человек, о котором мне сказали: это твой последний шанс. Если и тут не выгорит, тогда тебе крышка. Стою я за решеткой в ожидании посетителя и вдруг вижу: это женщина. Теперь все зависит от меня, как я буду с ней говорить, какое смогу произвести на нее впечатление! Представляешь? Как только я ее увидел – аристократка, шикарная особа, хороша собой, черты лица тонкие, чуть резкие, волосы рыжеватые... Как только я ее увидел, особенно ее глаза, эти беспокойные, манящие глаза, мне тут же пришло в голову: «А ведь она клюнет на Вилли!». Клянусь тебе, господь бог ее прямо-таки создал для тебя.

Вилли сидел не шелохнувшись. Он думал, что Эрнст преподнесет ему какой-нибудь деловой проект, позволяющий подработать на стороне, а он, оказывается, всего-навсего предлагает этот вздор, мелет о какой-то аристократке.

С трудом сдерживаясь, Вилли вежливо ответил:

– Очень любезно, приятель, с твоей стороны, что даже в тюрьме ты вспомнил обо мне. И ты, конечно, предлагаешь мне этот план из самых лучших побуждений. Я, видишь ли, не понимаю – прости за откровенность, – как я могу подойти женщине, потомственной аристократке, с мыслью о том, как и сколько я смогу из нее выжать. Уж ты как хочешь!

Эрнст с улыбкой выслушал друга, потом спросил:

– Ты никогда не задумывался, насколько ты похож на своего отца? Он тоже любил разглагольствовать и так же высокопарно. И тем не менее покойный учитель женился на твоей матери только потому, что у нее было приличное приданное, были деньги. Ладно, – вдруг решительно прервал он себя. – Хватит об этом.

Казалось, еще секунда – и Вилли сорвется, ответит ему сочным морским словом, но он сдержал себя и через секунду вполне миролюбиво предложил:

– Ну ладно, давай выкладывай.

Эрнст улыбнулся и приступил к подробному изложению плана. Сначала он описал Элизабет фон Грозигк, эту сверхэлегантную даму, ее светло-рыжие волосы, живые подвижные черты лица и откровенный взгляд. Она очень деятельна. Сейчас у нее новое увлечение – оказывать содействие партии. Описав ее дом, где запросто бывают многие нацистские бонзы, и не только они, но и другие влиятельные люди, Эрнст замолчал.

– А почему ты думаешь, что твоя Грозигк, или как там ее, не только пообещает, но и действительно что-то сделает? – прервал затянувшуюся паузу Вилли.

– Да она непременно попадется в твои сети, голову даю на отсечение, – воскликнул Эрнст. – Уж это я в женщине сразу чувствую, не мальчик, опыт имею. Я наплел ей про тебя, про твои морские скитания, посещение экзотических стран... Тебе ничего особенно не надо делать. Ты больше многозначительно молчи.

– Ты окажешь мне большое одолжение, – с ледяной вежливостью прервал его Вилли, – если прекратишь свои дурацкие шутки. Скажи мне ясно и понятно, что мне нужно делать с твоей Грозигк.

Эрнст с мечтательным видом вынул новую рубашку из стоявшей на столе коробки, погладил рукой шелковую ткань и положил обратно.

– Небольшую сенсацию придется, конечно, придумать. Как ты смотришь на идею создания тайного детективного бюро в интересах партии. Это для начала, а там посмотрим...

– Я не могу на это пойти, – после некоторого раздумья заметил Вилли. – Если все вскроется, у меня будут неприятности по службе.

Эрнст понимал колебания друга и поэтому воздерживался от иронических замечаний.

– Я не хочу уговаривать тебя делать то, что тебе не по нутру, – сказал он. – Но ты пойми, второй такой случай, как эта Грозигк, едва ли представится. Да и на деле ведь никакого бюро не будет.

Вилли не зря раздумывал. Для его отца, скромного учителя, знакомство с именитыми людьми вроде бургомистра или богатого хлеботорговца было пределом желаний. Сам Леман в период войны и Веймарской республики испытывал удовольствие, когда по своим полицейским вопросам имел дело с человеком, которого можно было назвать «барон» или «ваше сиятельство». Конечно, он сознавал, что титулы – одна видимость, главное деньги. Все же это была приятная видимость.

Из задумчивости его вывел вкрадчивый голос Эрнста:

– Видишь ли, мой друг, толпе ничего не втолкуешь без рекламы, без обмана. Люди противятся всему, что отклоняется от обычной нормы. Даже фюрер – и тот не пробился бы без пышных слов, без того, что ты сейчас назвал обманом. Прочти внимательно, что он говорил в своей книге о необходимости пропаганды, лжи, обмана. Сколько клятвопреступлений он взял на себя, как унижался! Превозмоги и ты себя, Вилли!

Леману было приятно слушать эти речи. Эрнст верил в то, что говорил, и не притворялся. А разве он не прав? Да, нужно себя пересилить, совратить эту аристократку, переспать с ней и сделать это так, как могут делать это опытные моряки, чтобы взамен она была готова на все, что от нее потребуется.

– А какая выгода тебе, приятель, если я займусь этой баронессой? – спросил Вилли и пристально посмотрел другу в глаза. Эрнст выдержал его взгляд.

– Ты совершенно прав, – спокойно сказал он. – Я делаю тебе это предложение не только из-за нашей дружбы. Я сильно надеюсь, что если мы это дело провернем, то и мне кое-что перепадет. И я убежден, – продолжил он с теплотой в голосе, – что, объединившись, мы достигнем большего, чем если будем действовать порознь.

– Постой, – остановил его Вилли, – пока твои берлинские планы что-нибудь дадут, пройдет немало времени. А я, к сожалению, сижу на мели. Кончились деньги, особенно после этой поездки в Мюнхен.

– Ах ты, дуралей! – ласково отозвался Эрнст. – Деньги у меня есть, а значит, они будут и у тебя!

– Ну и тянул же ты с ответом! – воскликнул Леман.

– Не скоро до тебя доходит. Значит, решено, завтра выезжаем в Берлин и я представлю тебя этой Грозигк. – Он опять взялся за коробку и стал перекладывать из нее белье в чемодан.

– Ну нет, так дело не пойдет, – решительно заявил Вилли. – Бегать за твоей Грозигк? Это меня не устраивает, я уже говорил тебе. Не буду я предлагать себя твоей аристократке, – он стоял перед другом с воинственным видом. – Результат будет тогда, когда она сама явится ко мне!

Эрнст прекратил укладывать белье и уставился на Вилли.

– Тебе не кажется, что это слишком?

Однако Вилли стоял на своем.

– Если это ее заинтересует, как ты утверждаешь, – продолжал он упрямо, – то она явится. А нет, то и жалеть нечего.

«Впрочем, если хорошенько разобраться, – подумал Эрнст, – то в решении Вилли ждать, пока эта Грозигк явится к нему сама, есть смысл. Если играть, то по-крупному. Ведь и фюрер добился успеха только потому, что действовал просто и нагло».

Размышляя над этим, Эрнст все не мог придумать, каким способом заманить баронессу в какой-нибудь берлинский отель. Он сегодня же напишет ей и расскажет о встрече с Гитлером, прибавит о впечатлении, которое они с другом произвели на фюрера. Это ей наверняка должно понравиться.

– Ты прав, – признал он, наконец. – Она должна приехать сама.

На следующее утро друзья прибыли в Берлин. Вилли, не заходя к себе на Кармен-Сильверштрассе, отправился на работу в полицей-президиум.

Потом недели пошли одна за другой. Изредка встречаясь с Эрнстом, Вилли как бы невзначай спрашивал:

– Получил что-нибудь от этой Грозигк?

– Пока нет, – бросал тот мимоходом и куда-то исчезал с озабоченным видом.

Вилли уже начал терять надежду. Но как-то утром, едва проснувшись, он услышал пронзительную трель звонка телефонного аппарата. Звонил Эрнст.

– Баронесса Грозигк хочет тебя видеть, и как можно скорее!

– Что, сейчас? – не разобравшись, спросонья брякнул Вилли.

– Вечером, дурак! Кто сейчас встречается!

Вилли вздрогнул от сладкого предчувствия. Вот судьба, кажется, и вознаграждает его за терпение. «Она ждет твоего звонка. Осторожно! Цель так близка, что сейчас никакая ошибка недопустима. С самого начала этой штучке надо показать, кто кому должен подчиняться!»

– Ты слышишь? – нетерпеливо переспросил Эрнст. – Она ждет твоего звонка.

– Слышу, слышу, не шуми! – пробурчал Вилли. – Только боюсь, что ей придется обождать! – Некоторое время он молчал, потом добавил: – Если этой даме что-нибудь от меня угодно, пусть сама пожалует ко мне, точнее куда-нибудь в отель, Эрнст, потому что не могу же я ее принимать в присутствии Маргарет.

Наступила короткая пауза, а потом Эрнста прорвало:

– Идиот, скотина, в какое положение ты меня ставишь!

Вилли молча положил трубку, но уже через две минуты Эрнст позвонил опять:

– Послушай, Вилли, не валяй дурака. Нельзя же требовать от такой дамы, чтобы она посещала мою конуру.

– А я этого и не требую, – сказал Вилли. – Но ты подумай обо мне. Если я так мало значу для твоей Грозигк, что она даже не хочет потрудиться прийти ко мне в номер отеля, то и вся наша затея ломаного гроша не стоит. Тогда мы остаемся при своих интересах.

Он снова повесил трубку и пошел в спальню за одеждой.

– Кто звонил? – сонным голосом спросила Маргарет и уткнулась головой в подушку.

Вечером к нему на квартиру опять позвонил Эрнст.

– Она придет, – буркнул, с раздражением. – Завтра пораньше сними номер в нашем отеле и приведи там все в порядок.

На следующий день, в начале двенадцатого, баронесса Элизабет фон Грозигк в сопровождении Эрнста впорхнула в его номер. Вилли, одетый в свободную темную куртку, сдержанно ее приветствовал. Элизабет оказалась элегантной рыжеватой дамой лет тридцати пяти, с вздернутым носиком, ярко накрашенными тонкими губами и светлыми бегающими глазами.

С непринужденной любезностью Вилли поднялся из своего кресла навстречу баронессе.

– Я счастлива видеть вас, – произнесла баронесса. Голос у нее был громкий, с резким северогерманским акцентом. – Господин Эрнст так много о вас рассказывал...

Ее светлые глаза уже осмотрели номер, перепрыгивая с предмета на предмет и нигде долго не задерживаясь.

– Мне очень повезло, что я имею возможность сравнивать мои представления с оригиналом, – продолжала она. – Надеюсь, вас не смущает, что я так бесцеремонно все тут разглядываю?

– Вы спасли моего друга, – со сдержанной вежливостью ответил Вилли, – и я вам за это глубоко признателен.

– Значит, вы меня терпите здесь только ради вашего друга? – кокетливо отозвалась она, видимо ожидая какой-нибудь галантности. Но Вилли промолчал, и пауза затягивалась.

– Я понимаю, – первой не выдержала баронесса. – По тому, что мне рассказывал Эрнст, я могу себе составить некоторое представление о вашем мирозерцании. Я подготовлена к этому также идеологией национал-социалистической партии. В вашем присутствии я испытываю то же чувство, что и в присутствии фюрера. – Она замолчала.

Молчал и Вилли, продолжая смотреть на нее твердым немигающим взглядом. В сущности, это был не его тип женщины, но она была неплохо сложена, и мысль о том, что она, баронесса фон Грозигк, родовита и занимает высокое положение в обществе, тешила его самолюбие. В остальном он в себе не сомневался.

Баронесса смущалась под его взглядом, волновалась и явно чувствовала себя не в своей тарелке.

– Вы правы, – наконец заговорил Вилли. – Нужно понять друг друга. А для этого и та, и другая сторона должна проявить к этому готовность.

– В готовности с моей стороны вы можете не сомневаться, – живо отозвалась баронесса. – У меня она появилась с первой минуты, как только я вас увидела.

Все развивалось по намеченному плану, и, когда под конец баронесса робко и кокетливо осведомилась, сможет ли опять она увидеться с Вилли, он, сохраняя достоинство и выдержку, ответил ей «да».

Они любезно попрощались и вместе с Эрнстом вышли.

Под вечер Эрнст вновь встретился с Вилли, чтобы обсудить, как действовать дальше.

– Ты должен довести баронессу до того, чтобы она сама заговорила с тобой о деньгах, – рассуждал Эрнст. – А когда она заговорит, ты делай вид, что в деньгах ты сущий профан, и посоветуй ей обратиться ко мне. Главное, чтобы не ты поднял вопрос о деньгах, а она. И тогда дело будет в шляпе.

Два дня спустя Вилли ужинал с баронессой в ресторане гостиницы. Грозигк щебетала о схожести образов Вилли и фюрера. Она говорила о великой задаче, которая ожидает партию. Она говорила и говорила... За фруктами и сыром Вилли признался, что никогда еще призыв верно служить партии не звучал так искренне, как из уст госпожи Элизабет. При этом он смотрел ей в глаза пристальным, настойчивым взглядом.

Решающая минута настала, когда они перешли в салон пить кофе. Вилли продолжал настойчиво смотреть ей в глаза, а в голове все крутилась одна и та же мысль: «Когда же эта дура наконец заговорит о деньгах!».

И наконец она заговорила.

– Я понимаю, – сказала она, – если вы решитесь открыть в Берлине то предприятие, о котором мне столько говорил Эрнст, это будет связано с материальными трудностями. Может быть, вы позволите в этом деле немного помочь вам? Я была бы счастлива это сделать.

Следуя наказам Эрнста, Вилли ответил уклончиво:

– Меня не интересует финансовая сторона дела. Для меня существует единственная область – профессиональная деятельность, в которой я, как криминалист, знаю толк.

– Да, да, я знаю, – смешалась баронесса и покраснела, как девушка. – Мне не следовало и заговаривать с вами об этом. Мы все обсудим с Эрнстом! – добавила она с улыбкой.

Румянец был ей к лицу, и Вилли решил несколько разрядить ситуацию.

– Вероятно, это не случайность, – задумчиво произнес он, – что интересы партии и ваши нас объединяют. Таковы все немцы! Идеал для них, как говорит фюрер, воплощен в женском образе.

Она была совершенно счастлива, и он чувствовал, что, прикоснись он к ней сейчас, и она растает. И он не против был бы это сделать, но это в данный момент было бы неразумным. Нужно было еще немного ее разжечь. Поэтому Вилли довольствовался лишь тем, что, целуя ей на прощанье руку, опять проникновенно посмотрел ей в глаза. А потом он отправился к Флорентине...

Через несколько дней Вилли решил, что время для того, чтобы скрепить союз с партией и ее представительницей, Элизабет фон Грозигк, настало. Во время следующей встречи, проходившей в номере гостиницы, его взор недвусмысленно скользил по округлым формам баронессы. Наконец, он нежно взял ее за руку и медленно провел ладонью до плеча. Элизабет почувствовала дрожь во всем теле и попросилась на минуту в ванную. Там она быстро привела себя в порядок и подождала, пока прекратится дрожь в ногах.

Потом баронесса выключила свет и открыла дверь в комнату. Глаза ее какое-то время привыкали к темноте, потом она разглядела, что Вилли стоит у постели голый, спиной к ней. Не отходя от кровати, он медленно повернулся. Сначала она увидела его глаза и белые зубы в улыбке. Потом ее глаза опустились ниже, и она почувствовала, как у нее опять задрожали ноги и пересохло во рту. Элизабет медленно подошла к нему, не подымая глаз, замороженная его мужской силой.

Он нежно снял с плеч бретельки черной нижней сорочки и аккуратно положил Элизабет на постель. Она молчала, лишь мелкая дрожь пробегала по ее телу. Он начал нежно целовать ее в грудь, мягко поглаживая рукой между ногами. Потом, просунув руки под ее ягодицы, подтянул ее к себе и начал осторожно входить в нее.

– Я боюсь, – вдруг пролепетала она.

Он не отвечал и не торопился. Как только она напрягалась в ожидании боли, он возвращался назад, не прекращая медленные покачивания.

Она ожидала боли, ей казалось, что она не способна настолько раскрыться, чтобы принять его, но уже через какие-то мгновения почувствовала, что вобрала его целиком и что ее переполняют новые необычные ощущения.

Теперь уже она сама, охватив Вилли руками, крепко прижалась к нему всем телом, и ее бедра сначала осторожно, а потом все быстрее и быстрее, по мере того как захватывала ее страсть, стали двигаться в такт с его телом...

Через несколько дней на имя Эрнста Кура в филиал Баварского союзного банка в Берлине была переведена приличная сумма денег. Получив свою долю, Вилли приобрел за городом дачный домик и небольшую парусную лодку. Теперь в свободное время он мог путешествовать по озеру и впадающим в него рекам, с улыбкой вспоминая Элизабет.

Они встречались недолго. В начале 1928 года из-за своего вздорного характера Эрнст испортил свои отношения с Францем Пфедфером Заломоном. Этим воспользовались завистники из «Коричневого дома» – штаб-квартиры нацистов в Мюнхене, – пустившие слух, будто Эрнст выдает партийные секреты полиции. Позже начальник службы безопасности партии Гайдрих найдет изменника. Им окажется криминал-секретарь городского отдела полиции Иозеф Майзингер, который потом долго будет отрабатывать свои грехи. Но это будет позже. А сейчас Эрнсту пришлось срочно прятаться, опасаясь мести фон Заломона. Его спасло то обстоятельство, что у самого начальника штаба штурмовиков возникли разногласия с Гитлером и ему пришлось покинуть свой пост.

К этому времени Вилли прервал свои отношения с Элизабет фон Грозигк, объяснив пылкой даме, что уезжает в командировку на границу с Польшей и свяжется с ней, когда вернется, чего он, конечно, не сделал.

Эрнст остался в Берлине без работы и без денег, и теперь Вилли приходилось его периодически субсидировать. Долго так продолжаться не могло, и друзья мучительно искали выход из положения...

Глава 2. Первые контакты с советской разведкой

В дождливый мартовский день 1929 года Павел Корнель, оперативный сотрудник берлинской легальной резидентуры, после бессонной ночи решил прилечь на кушетке в дежурной комнате консульского отдела, попросив коменданта разбудить его в шестнадцать ноль-ноль. Однако тот поднял Павла раньше: стрелки на светящемся циферблате его часов показывали без пяти минут три после полудня.

– Товарищ консул... а, товарищ консул! Тут пришел один... Миронов приказал провести к вам...

– Зажги свет! – приказал Павел, мысленно выругавшись: могли бы разобраться и без него. Васильев зажег верхний свет и, повернувшись к Павлу, доложил:

– Пришел прямо к дежурному по посольству. Зачем – толком не говорит, требует встречи с руководством... У нас языка толком никто не знает, а он по-русски не говорит. Может, прикидывается! Миронов приказал...

Павел, привстав, выпростал ноги из-под пледа, протирая глаза, уселся на кушетке. Васильев, рыжий детина, стоял перед ним, роняя капли воды с темного намокшего плаща. Быстро надев пиджак, наскоро причесавшись, Павел направился в комнату для приема иностранцев.

Яркая люстра хорошо освещала большую просторную комнату. У самых дверей он увидел невысокого плотного мужчину лет сорока пяти в намокшем плаще, нервно теребившего в руках шляпу; из-под плаща виднелись мятые брюки и выдавшие виды башмаки.

– Пройдите к столу! – сказал Павел. – Кто вы такой?

Незнакомец подошел, рассматривая консула настороженно-сосредоточенным взглядом небольших, глубоко посаженных глаз. Лицо у него было круглое, темновато-красное. Бросались в глаза почти лысая голова, оттопыренные уши и длинный прямой нос. В его взгляде, в выражении уставшего, с плотно сжатыми тонкими губами рта чувствовалось какое-то напряжение и, как показалось Павлу, внутреннее недоверие и настороженность.

– Кто вы такой? – повторил Павел.

– Пусть он выйдет, – глуховатым голосом на берлинском диалекте произнес мужчина, указывая взглядом на Васильева.

– Пойди посмотри, что там на улице, и жди меня в дежурной! – сказал Павел Васильеву.

Шумно вздохнув, комендант, чтобы затянуть пребывание в теплой комнате, поправил стоящие в стороне стулья и не торопясь вышел. Павел тем временем пододвинул стул, сел и выжидающе посмотрел на мужчину.

– Ну, что же вы молчите?

– Меня зовут Эрнст Кур, – произнес он тихо, с такой интонацией, будто это имя и фамилия могли что-нибудь сказать или же вообще все объясняли. – Прошу сообщить вашему начальству, что я нахожусь здесь.

– Ишь ты! – Павел не смог удержать улыбки. – Ну и что же будет дальше?

– Дальше вас не касается. Руководство все решит само.

– Кто это руководство? Кто конкретно вам нужен?

– Руководство гешеу.

Он замолчал. Перестав улыбаться, Павел удивленно посмотрел на посетителя. Тот сидел за приставным столиком, поглядывая настороженно и отчужденно, руки его иногда мелко вздрагивали. Плащ он небрежно бросил на спинку стула.

Павел собрался было спросить, есть ли у него с собой документы, но воздержался, подумав, что ознакомиться с документами еще успеет. Поглядывая на Павла холодно и отчужденно, немец молчал.

– Что, так и будем сидеть и молчать?

– Вы должны сейчас же доложить руководству, что я нахожусь здесь, – упрямо повторил он.

– Я никому ничего не должен, – сказал Павел раздраженно. – И пока вы не объясните, кто вы и откуда, я ничего делать не буду!

Немец продолжал молчать. После продолжительной паузы, напряженно подумав, он сквозь зубы выдавил:

– Я из полицей-президиума Берлина. Я писал об этом в письме.

– Из полицей-президиума? – Павел не поверил. – Чем вы можете доказать, что вы работаете в полицей-президиуме? И о каком письме вы говорите?

– Я ничего вам не буду доказывать. Вы должны сейчас же сообщить обо мне руководству! Письмо я бросал в почтовый ящик посольства.

Павел некоторое время разглядывал его и размышлял. Фамилия Кур ему ровным счетом ничего не говорила, но, может быть, руководство резидентуры его знало или знало что-то о его письме: за время работы в разведке он привык ничему не удивляться.

Вид у посетителя был не ахти какой, однако держался он довольно независимо, говорил уверенно: даже не просил, а требовал. Угрюмый, сосредоточенный, он производил весьма странное впечатление, и его утверждение, будто он чиновник полиции, казалось явной ложью.

Понятно, Павел не собирался сообщать о нем непосредственно резиденту, но доложить своему куратору было его прямой обязанностью. Он подумал, что они займутся посетителем и сами выяснят, что к чему.

Оставив немца в приемной, он вышел в соседний кабинет и вызвал по внутреннему телефону резидентуру.

– Вас слушают, – услышал он голос шифровальщика Виктор Маслова.

– Виктор, это Корнель беспокоит. У меня здесь посетитель. Он требует встречи с руководством.

– Не знаю, где сейчас Смирнов, а шеф на совещании у посла!

– Ты можешь его вызвать?

– Не могу и не хочу! – ответил Маслов запальчиво. – Что ты ко мне с пустяками лезешь! У меня сейчас сеанс связи, а ты позови того, позови этого! Что я тебе мальчишка, что ли!

– Как я понял... – Павел на мгновение замялся. – Он говорит, что он...

Но Маслов уже положил трубку. И Павел бросил свою, злясь на посетителя и еще больше на Маслова. Но, подумав несколько минут, он вновь вызвал Маслова.

– Это опять Корнель, прошу меня выслушать, – твердо заявил Павел. – Я опять по поводу посетителя. Он настаивает на встрече с руководством!

– Откуда он его знает? – спросил Маслов устало.

– Он не говорит. Я считаю нужным доложить о нем шефу!

– Если считаешь, что нужно, докладывай сам, – с каким-то безразличием сказал Маслов. – Ты вообще считаешь возможным лезть к начальству со всякой ерундой. Я лично не вижу оснований беспокоить руководство, тем более во время совещания. Несolidно!

– Так ты советуешь мне самому позвонить в приемную полпреда?

– Я тебе ничего не советую, и ты меня не впутывай.

Павел соединился с секретарем полномочного представителя Пчелинцевой и сообщил, что у него в приемной консульского отдела находится посетитель и что он настаивает, чтобы о нем сообщили Ефиму Соломоновичу.

– Ясно, – прервала его Пчелинцева. – Подождите. Я сейчас доложу.

Минуты через две резко и требовательно зазвонил телефон.

– Корнель? Добрый день, Павел Иванович! – Павел узнал низкий, глуховатый голос Гольденштейна. – Что у вас там стряслось?

– Пришел посетитель. Настаивает на встрече с вами, Ефим Соломонович.

– Понятно! Слушай внимательно! Попроси всех наших удалиться, чтобы его не видели. Создай все условия, дай ему бумагу и ручку. Пусть пока напишет, что он хочет сообщить. В общем, создай ему условия и пока не трогай его расспросами. Я освобожусь минут через тридцать-сорок. Понял?

– Так точно! – по привычке быстро ответил Павел, и резидент положил трубку.

Корнель вернулся в комнату приемов.

– Чаю хотите? – спросил он у немца.

– Потом, – ответил тот.

Тогда Павел положил перед ним на стол бумагу, перо, пододвинул чернильницу и попросил изложить свои данные, а также то, что он хотел бы довести до сведения руководства. Выглянув из кабинета, он крикнул Васильеву, чтобы тот приготовил чаю.

Между тем немец начал что-то писать; пальцы у него были короткими с плохо обрезанными ногтями. Время от времени он останавливался, нервно покусывал губы, думал и снова принимался писать.

Через минут тридцать, как и обещал, в комнату быстро вошел резидент – невысокий, коренастый, с волнистой рыжеватой шевелюрой. Подойдя к столу он, бегло взглянув на посетителя, взял исписанный им лист бумаги, стоя быстро его прочитал и, сев на место Павла, сказал:

– Так, значит, вы Эрнст Кур! Бывший сотрудник контрразведывательного отделения, или, как вы называете «абвера», полицей-президиума! Интересно! Что вы хотели? И почему именно со мной хотите беседовать? – его голубые, с сероватым оттенком глаза требовательно уставились на немца.

– Мои друзья знают вас, – отрывисто начал Кур. – Они знают, что вы руководитель, поэтому я решил обратиться именно к вам! – он остановился, ожидая реакции Гольденштейна.

– Так, так, говорите! Я вас внимательно слушаю, – подтолкнул его резидент, подвижное лицо которого с прямым носом и выпуклым лбом оставалось невозмутимым.

– Я хочу предложить вам свои услуги как бывший полицейский чиновник! Естественно, за плату!

– Вы что, сейчас без работы?

– Да, уже несколько лет как я уволился из полицей-президиума. Не поладил с руководством! Сейчас перебиваюсь случайными заработками, да иногда помогают старые друзья.

– Понятно. Чем вы можете помочь нам?

– Я думаю, мог бы наводить справки на интересующих вас лиц, при необходимости мог бы вести разработки. Все, что смогу, все буду делать.

– Ну а подробнее что можете о себе рассказать? – спросил Гольденштейн.

– Извольте. В полиции с 1904 года. Поступил в Берлине, служил в Данциге, Эссене, потом опять вернулся в Берлин. Последние годы был в контрразведывательном отделении полицей-президиума Берлина в чине криминал-обервахмистра². За служебный проступок был уволен без права на пенсию. Стал перебиваться случайными заработками, – он замолчал.

– И что было дальше?

² Высший чин унтер-офицерского состава криминальной полиции.

– Я всегда любил живопись, – продолжил Кур. – Хотел стать художником. Но средств на обучение живописи не было, поэтому пришлось стать простым маляром. Красил крыши. Потом друзья из полиции подсказали, что у вас, в посольстве, можно получить работу.

– Кем же, маляром? – улыбнулся Гольденштейн.

– Нет, зачем, думаю, вам лучше использовать мой опыт полицейского, – Кур замолчал и, прищурясь, выжидательно смотрел на резидента.

– А вы могли бы возобновить контакты с вашими прежними сослуживцами? – подключился к беседе Павел.

– Думаю, что мог бы. Они охотно со мной болтают, главное только умело направить разговор в нужное русло.

– Ну хорошо! – Гольденштейн на минуту задумался, видимо размышляя над решением, потом сказал: – Сейчас я не могу вам ничего обещать. Нам нужно подумать, посоветоваться. Сделаем так: через неделю он, – резидент кивнул головой на Павла, – позвонит вам и укажет место, где вы сможете встретиться и все обговорить. А пока – до свидания, всего доброго и... спасибо за предложение! – он встал и крепко пожал немцу руку.

Кур явно не ожидал такого окончания разговора. Он растерянно посмотрел вокруг себя, видимо не решаясь расставаться с людьми, от которых ожидал большего.

– Павел Иванович! Проводи гостя! – предложил Гольденштейн.

Павел взял плащ немца и жестом руки показал ему в сторону двери. Кур молча надел плащ и вышел.

Когда Павел вернулся, Гольденштейн, потирая маленькие пухловатые руки, расхаживал по кабинету.

– Ты извини, у вас перекусить чего-нибудь не найдется? – спросил он.

Корнель быстро достал приготовленные Васильевым для немца бутерброды, налил в стакан чаю. Пока резидент ел, он, присев сбоку, стал рассказывать о том, что им было сделано за последнее время, а потом остановился на визите Кура. Гольденштейн слушал, изредка задавал уточняющие вопросы, его красивое лицо оставалось спокойным. Лишь когда речь пошла о необычном посетителе, он оживился и попросил все повторить в подробностях.

Гольденштейн – оперативный псевдоним «Доктор», он же «Александр» – был тем самым человеком, чье мнение и чьи советы в процессе разведывательной работы, без сомнения, интересовали Корнеля, впрочем, как и других оперативников. Член РСДРП с 1900 года, Гольденштейн был одним из самых опытных и заслуженных работников Иностранного отдела ОГПУ. До перевода в Германию он много лет проработал на Балканах и Ближнем Востоке и в настоящее время, помимо резидентуры в Германии, руководил из Берлина работой агентурных сетей во Франции и Англии, не забывая при этом своих старых знакомых на Ближнем Востоке. Резидентура в Берлине поддерживала строго конспиративную связь с руководством Германской коммунистической партии и помогала ему материально.

«Доктор» обладал редкостным талантом делать правильные выводы из минимума данных. Осмысливая факты, он нередко по какой-нибудь частности приходил к весьма неожиданному умозаключению и, как правило, не ошибался. Поэтому Павел обстоятельно, до мелочей изложил ему все, в том числе и свои сомнения относительно версии посетителя, и, закончив, приготовился внимательно слушать.

Тем временем Гольденштейн, доев бутерброд, закурил. Наконец он заговорил, как всегда тихо и неторопливо.

– Да, возможно, посетитель провокатор. Настораживает то обстоятельство, что он настаивал на встрече именно со мной.

– И вел он себя необычно, – заметил Корнель. – Как-то уж очень развязно и цинично.

– А может, сильно нервничал? Он действительно давно мог сидеть без работы и поэтому проявлял такую настойчивость, – тихо и неторопливо рассуждал Гольденштейн. – М-да, есть над чем подумать...

Излагая информацию, он, по обыкновению, все время ставил под сомнение каждый сообщаемый факт и свои предложения и требовал такого же критического отношения от тех, кто его слушал. Он не любил бездумного поддакивания, его правилом было: подчиненные должны откровенно и независимо высказывать свои соображения, спорить и противоречить. За два года совместной работы Корнель отлично усвоил эту манеру обсуждения и ценил ее эффективность.

– Этим делом, Павел Иванович, придется заняться тебе, – сказал Гольденштейн. – Эрнста Кура надо проверить. Подключи друзей³, дай задание нашему источнику в полицей-президиуме, может быть, он сможет что-нибудь узнать. Если ничего настораживающего не добудешь, вытягивай Кура в город. Для начала попроси собрать данные на кого-либо из известных нам лиц. В качестве аванса выдай ему марок сто, не больше. Регулярно докладывай мне и Смирнову, как будут идти дела. А сейчас пойдем в резидентуру – уже вечер!

– Понятно, Ефим Соломонович! – Павел стал торопливо собирать со стола бумаги.

В последние дни Корнель при содействии Дмитрия Смирнова, а также через других сотрудников стал осторожно наводить справки о Куре.

Время летело стремительно. Как-то утром, в сентябре, около десяти часов, когда Павел еще не начал прием иностранцев в консульском отделе, зазвонил телефон. Корнель поднял трубку.

– Павел Иванович! – Павел узнал голос Смирнова. – Быстренько подымись наверх! Тебя хочет видеть Ефим Соломонович.

– Есть. Иду! – Павел машинально поправил узел галстука, бегло взглянул на себя в зеркало, на ходу бросив секретарю, что его вызывает начальство, и устремился по переходу в главное здание представительства.

Постучав предварительно в дверь, он вошел в просторный кабинет. Гольденштейн, как обычно, сидел за пустым столом. В коллективе уже все знали, что ему готова замена – в конце октября должен прибыть новый резидент Самсонов, ветеран ВЧК и Иностранного отдела. Гольденштейн, по существу, уже готовился к передаче дел. В своих сорок пять лет он решил связать судьбу с молодой женщиной, и в последнее время все замечали, что «Доктор» устал и хочет уйти на покой. Он несколько раз подымал вопрос о своей замене, но только теперь, осенью 1929 года, ему наконец разрешили вернуться в Москву. Начальник Иностранного отдела Триллиссер собирался назначить его своим помощником.

– Добрый день, Павел Иванович! – приветствовал резидент Корнеля, и по тону его голоса, по выражению лица Павел понял, что Доктор с утра пребывает в хорошем настроении. – Как самочувствие?

– Спасибо, самочувствие хорошее, – ответил Павел, чувствуя внутреннее облегчение от того, что возможного нагоняя, как это часто бывает при общении с начальством, сегодня не будет.

– Я пригласил вас вот зачем, – сразу перешел к делу Гольденштейн. – Из Центра пришла телеграмма. – Он поднял трубку и набрал номер шифровальщика. – Виктор, принеси телеграмму по А/70!

А потом вновь обратился к Корнелю.

– Напомни, что мы писали в Москву по источнику А/70 и его связям.

– Мы сообщали, – не спеша начал Павел, – что консульство посетил бывший чиновник политического отдела полицей-президиума Берлина Эрнст Кур и предложил нам свои

³ Так на разведывательном жаргоне называли коммунистов.

услуги. По соображениям конспирации мы присвоили ему номер А/70 и приступили к его изучению. Через источник в полицей-президиуме «Папаша» нам удалось выяснить, что А/70 действительно являлся в прошлом чиновником пятого контрразведывательного отделения полицей-президиума. Одно время он был доверенным лицом начальника штаба штурмовых отрядов нацистской партии Франца Пфеффера фон Заломона и выполнял его личные поручения. Во время пребывания в командировке в Польше совершил уголовное преступление, находился под следствием, но при содействии нацистов дело было замято. За этот проступок А/70 из полиции уволен. В настоящее время объект с нацистами связи не поддерживает. Ему не доверяют, считая, что он выдавал секреты партии полиции.

– Как объясняет все происшедшее сам А/70? – спросил резидент.

– Он говорит, что произошло для него стечение обстоятельств: арестованный умер в камере сам по себе, но Кур не смог доказать свою невиновность. Выручили нацисты. Сотрудничать он с ними стал, потому что хотел заработать.

– А как на счет передачи информации в полицию?

– Этот факт он начисто отрицает. Считает, что его оболгали завистники из «Коричневого дома», поскольку он стал пользоваться доверием фон Заломона.

– Ну хорошо, – кивнул «Доктор», – пошли дальше!

– В процессе разработки связей А/70, – продолжил Павел, – и освещения деятельности контрразведывательного отделения полицей-президиума мы установили подходящего объекта в окружении А/70. После предварительной проверки этого объекта...

– Так, что удалось о нем узнать, – прервал Павла резидент.

– Мы сообщили его данные: Вильгельм Леман, возраст 45 лет, проживает по адресу Кармен-Сильверштрассе, 21, в двухкомнатной квартире, женат, имеет домашний телефон. Источник А/26 сообщил: Леман имеет ранг криминал-ассистента, занимает должность секретаря по картотеке в комнате 67 полицей-президиума. Среди коллег считается работником средних способностей и не особенного прилежания, любит задаваться, считая себя лучше их, но выдвинуться не смог. По месту жительства известен как комиссар криминальной полиции и очень любит, когда его так величают. Товарищи по службе полагают, что он человек без определенных политических взглядов. Мы присвоили ему номер А/201.

– Так, понятно... – резидент задумался.

Дверь кабинета неожиданно отворилась, и шифровальщик Маслов вошел в помещение. Все замолчали.

– Принес телеграмму? – спросил его «Доктор».

– Так точно... – Маслов, сделав несколько быстрых шагов, оказался между сидевшим за приставным столиком Смирновым и Гольденштейном. Открыв свою известную всей резидентуре черную папку, он достал из нее телеграмму и положил ее на стол перед резидентом. Потом, отступив на шаг в сторону, он застыл в ожидании дальнейших указаний.

– Продолжай, Павел Иванович! – сказал резидент и кивнул Маслову головой, давая понять, что тот свободен.

Подождав, пока Маслов вышел, Павел продолжил свой доклад:

– После того как была получена информация в отношении А/201, мы рекомендовали А/70 попытаться осторожно вовлечь А/201 в работу с нами. В результате последний дал согласие сотрудничать с нами...

– Какие еще материалы передал нам за это время А/70? – опять прервал Павла резидент.

– Летом от него получены подробные данные о структуре полицей-президиума, его политического отдела с указанием фамилий руководителей, а также информация, которую он добыл из бесед с отставными полицейскими Вулем и Шуленбергом. Затем А/70 проводил по нашему заданию установки, представил информацию об организации, которая используется военной контрразведкой для разработки наших учреждений в Берлине.

– Понятно, продолжайте!

– Очень ценно то обстоятельство, что А/201 связан с бывшим чиновником политической полиции Новаковским, который в настоящее время работает на военную контрразведку, с чиновником отдела Ia политической полиции Рау, который занимается выявлением подпольных радиостанций, и сотрудником военной контрразведки Лизиним. А/201 согласился информировать нас о всех заданиях, которые будут поступать от Рау через Новаковского, что для нас сейчас очень важно.

– С этой почтой мы что-нибудь будем посылать от А/201? – спросил Смирнов, молча сидевший за столом.

– А/201 передал нам копию доклада руководителя компартии Германии, который был направлен во все районные парторганизации, – объяснил Павел.

– Как он его получил, – сразу насторожился резидент, – вы выясняли?

– Выясняли, Ефим Соломонович! Со слов А. 201, ему случайно удалось ознакомиться с этим документом, когда папка с перепиской возвращалась от начальника отделения в регистратуру и находилась среди других бумаг, ожидающих отправки в канцелярию отдела. В ближайшее время агент надеется установить источник информации полиции в руководстве местного комитета коммунистической партии.

Павел закончил свой доклад и устоял на своих начальников.

– Не забудьте сразу же проинформировать друзей и источник А/75, – обратился Гольденштейн к Смирнову, имея в виду руководство компартии Германии. – А теперь, Павел Иванович, ознакомьтесь с телеграммой из Центра. Дело взято под контроль руководством разведки.

Павел взял протянутый резидентом исписанный мелким аккуратным почерком бланк шифротелеграммы с литером «совершенно секретно» и прочитал:

«07.09.29 Берлин, тов. Захару.

Совершенно секретно.

Ваш новый А/201 нас очень заинтересовал. Судя по материалам, которые мы получили, источник может развиваться в очень ценного агента. Единственное наше опасение – это то, что вы забрались в одно из наиболее опасных для нас мест, где при малейшей неосторожности со стороны источников может случиться много бед.

Считаем необходимым проработать вопрос о специальном способе связи с А/201.

Алексей».

Оперативный псевдоним «Алексей» принадлежал начальнику Иностранного отдела ОГПУ Трилиссеру⁴.

– Прошу быть внимательным и тщательно готовить документы в Центр, – сказал Павлу Гольденштейн. – Без согласования с Москвой никаких мероприятий по А. 201 не проводить! – это уже был приказ.

Немного помолчав и дав тем самым Павлу возможность осознать услышанное, резидент уже менее строгим голосом продолжил:

– Вот так, Павел. Тебе надо лично встретиться с А/201 и договориться об условиях связи. Я думаю, что работать с ним нужно через нелегалов. Создадим группу «Бом». Нелегала «Бом» ты знаешь?

– Ну как же можно не знать Альберта Такке? – усмехнулся Павел.

– Вот и отлично. Твоя задача: встретиться с А/70 и А/201 и объяснить им, что впредь они будут работать так: А/201 добывает материалы и передает их А/70, а тот, в свою очередь,

⁴ Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович (1883–1937) был начальником Иностранного отдела ОГПУ с 1922 по 1929 г. В 1929 г. одновременно становится заместителем председателя ОГПУ. В 1937 г., работая в Исполкоме Коминтерна, был арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

доставляет их Бому. Бом – как решит Центр: или будет передавать нашему связнику, или по своим каналам передаст материалы в Центр. Это общая схема. Тебе нужно продумать все детали и обсудить их с источником. Вопросы ко мне есть?

– Все понятно! – Павел поднялся и вышел из кабинета.

Глава 3. Павел Корнель, оперативный псевдоним Жан

Дежурный по посольству позвонил Павлу на квартиру в половине восьмого утра и передал указание Смирнова: явиться к девяти часам. Это означало, что Павла хочет видеть новый резидент Николай Самсонов, оперативный псевдоним «Семен», заменивший «Доктора» в ноябре прошлого года.

В служебном кабинете Самсонов был один. Судя по отсутствию дежурной машины на площадке перед зданием диппредставительства, Смирнов куда-то уехал. Павел несколько раз присутствовал на совещаниях, которые Самсонов проводил в резидентуре, мимоходом разговаривал с ним во время летучек у постпреда, но обсуждать с резидентом оперативные вопросы наедине ему еще не приходилось. Он уже наслышался разного о Самсонове от коллег и Смирнова. Резидент представлялся ему человеком во многих отношениях необычным. «Голова в разведывательных делах», – не раз говорил о резиденте Смирнов.

Голова-то голова, но не без странностей. Так, Самсонов любил разъезжать по Берлину в ярко-голубом автомобиле и забывал менять на нем номера перед встречей с ценными агентами. Павел ожидал услышать от Семена что-то мудреное и даже опасался, сумеет ли быстро ухватить главное из того, что скажет резидент.

Однако Самсонов, статный человек, с умным высоколобым лицом, держался на удивление просто и высказывал вполне понятные мысли. Задание, которое он сегодня решил обсудить, касалось проведения встречи с двумя источниками – А/70 и А/201.

Дело в том, что между нелегалом Бомом и А/70 возникли серьезные трения. Бом, требовательный к себе, подходил с такими же мерками и к источникам, с которыми работал. На этой почве между ним и А/70 стал развиваться конфликт. Эрнсту, этому «свободному художнику» и любителю импровизаций, не нравилось, что «Бом» часто читал ему нудные нотации. Дело закончилось тем, что Москва отозвала «Бома», и вот теперь, в связи с прибытием нового нелегала, Павлу предстояло обсудить с друзьями все технические вопросы сотрудничества. Дело знакомое.

Самсонов заканчивал инструктаж, когда открылась дверь и в кабинет быстро вошел полпред Крестинский⁵, невысокий, подвижный, с типичной для ленинской гвардии внешностью – очки, усы, борода. Глава диппредставительства вырос перед Павлом, и тот непроизвольно вскочил:

– З-з-дравствуйте...

– Здравствуйте. Откуда вы? – отрывисто спросил Крестинский, взглядываясь в Павла острым, пронзительным взглядом.

– Консул Корнель из группы Смирнова, – поспешил на помощь Павлу Самсонов. – В консульском отделе уже пятый месяц. Самый молодой из нашего коллектива. Толковый сотрудник.

– Толковый сотрудник, – неулыбчиво повторил Крестинский и, повернувшись к Самсонову, быстро заговорил: – Николай Георгиевич, ходят упорные слухи, что нынешнее коалиционное правительство готовится уйти в отставку и у власти будет кабинет Брюннинга⁶. Нынешняя ситуация в наших отношениях с Германией тупиковая... – Самсонов кивнул

⁵ Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) – советский партийный и государственный деятель. С 1918 г. нарком финансов РСФСР. В 1921–1929 гг. полпред в Германии. С 1930 г. заместитель и 1-й заместитель наркома иностранных дел СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁶ Брюнинг Генрих (1885–1970) – германский рейхсканцлер в 1930–1932 гг. Представитель католической партии «Центр». После прихода к власти Гитлера эмигрировал в 1934 г. в США.

Павлу головой, давая понять, что тот свободен. Корнель вышел и осторожно прикрыл за собой дверь.

До этого только раз в жизни, в прошлой командировке, Павлу пришлось беседовать и пожимать руку полпреду. Тот был пожилой человек и, хотя он старался держаться бодро, руку пожимал вяло. Крестинский, судя по всему, был другим человеком.

Воодушевленный, желая как можно лучше справиться с порученным заданием, Корнель отправился к себе, на ходу обдумывая детали предстоящей операции.

Тихим апрельским вечером, когда лица прохожих смутно угадывались в неярком свете уличных фонарей, Павел, убедившись в отсутствии за собой слежки, прибыл в обусловленное место – небольшое малолюдное кафе. Кивнув кельнеру, он прошел в угол и сел так, чтобы иметь возможность наблюдать за входящими посетителями.

Через несколько минут в кафе появился Эрнст Кур в сопровождении немца среднего роста, коренастого, плотного, с тяжелым, разделенным ямочкой подбородком. Увидев Павла, Эрнст улыбнулся, отчего его угрюмое лицо подобрело, и направился со своим спутником к его столу. Павел встал и пожал друзьям руки.

Дождавшись, когда кельнер принес пиво и отошел, Павел стал интересоваться, что нового у друзей произошло за истекшее время. Отвечал Кур не спеша, обстоятельно, поглядывая на друга, как бы ожидая от него подтверждение своим словам. Леман больше молчал, изредка кивал в знак согласия головой, охотно улыбался. Сидел он в расслабленной позе, положив одну руку на стол, но, когда Павел обратился непосредственно к нему, он сразу подобрался, сосредоточился и начал отвечать коротко, ясно и по существу.

– Недавно у нас в отделении проанализировали все эпизоды советского промышленного шпионажа, – начал он, спокойно глядя Павлу в глаза. – За прошедший год количество случаев шпионажа возросло с трехсот до тысячи. По этой причине руководство отдела приняло решение о создании в составе нашего отделения специальной группы для борьбы с промышленным шпионажем. К работе группа еще не приступила, поскольку пока не могут подобрать подходящих чиновников, – он замолчал и отхлебнул пиво.

– Вчера криминальрат⁷ Шефлер, заместитель начальника отдела Дильса, проводил в нашем отделении совещание. Шефлер потребовал, чтобы чиновники нашего отделения заводили связи в иностранных посольствах для получения сведений на сотрудников, которые занимаются разведывательной деятельностью. Каждый чиновник обязан разрабатывать несколько иностранных представителей из подготовленного списка. Мне поручили разработку советского посольства...

Леман замолчал, ожидая реакции Корнеля, но тот оставался невозмутимым.

– Помимо этого, – продолжил Леман, – мне поручено готовить обобщенные доклады по материалам других чиновников в части, касающейся разработки иностранных представительств.

– Мы сможем получать копии этих документов? – спросил Павел, на этот раз не скрывая своей заинтересованности.

– Надеюсь, я смогу их получать, – ответил Леман и улыбнулся.

Павел подумал, что улыбка у него приятная. Выждав некоторое время и окинув взглядом друзей, медленно, со всей внушительностью, на которую был способен, Павел произнес:

– Наше руководство выражает вам благодарность за то, что вы делаете для нас! Мы надеемся на вас.

Леман кивнул в знак согласия. По выражению его округлого лица чувствовалось, что слова Павла его глубоко тронули.

⁷ Криминальрат – советник уголовной полиции (должностное звание старших чиновников)

– Я хочу еще обсудить с вами следующее, – обратился Павел к друзьям. – Наше руководство считает, что встречаться вам, – Павел посмотрел на Кура, – лично со мной опасно, поскольку я работаю в официальном советском представительстве и меня многие могут знать в лицо. В ближайшее время познакомлю вас с другим человеком. К нашему посольству он отношения не имеет. Схема связи останется прежней. Следующий раз, Эрнст, встречаемся, как обычно, через неделю.

Они расплатились за пиво и направились к выходу. Кур отлучился в туалет и Леман, посмотрев вокруг и убедившись, что его никто не слышит, подошел к Павлу вплотную и быстро проговорил:

– Мне стало известно, что Эрнст получает у вас какие-то дополнительные деньги и вообще довольно часто говорит с вами о деньгах. Поэтому я решил воспользоваться случаем, чтобы сказать: я лично к этим денежным делам не имею никакого отношения и вообще все это не одобряю! Я знаю, что у вас с деньгами негусто.

Подошел Кур, и Леман прекратил разговор. «Интересно, – подумал Павел, – чем это А/201 так обеспокоен?».

Сейчас, сидя на жесткой скамейке трамвая по пути в посольство, Павел уже в который раз мысленно возвращался к деталям прошедшей встречи. «Вполне очевидно, – думал он, – что этот разговор у гардероба возник неслучайно. Леман давно ждал подходящего случая. Жаль, что не было возможности сразу во всем разобраться. Теперь придется ждать подходящего момента».

Он не сомневался, что между А/70 и А/201 на почве денег возникли какие-то трения. Павел представил, сколько будет у начальства вопросов, после того как он обо всем доложит, а потом за них возьмется Центр, «Никуда не денешься, – подумал он, выходя на своей остановке, – придется разбираться».

Леман мучительно пытался сосредоточиться: нужно было продумать, как провести допрос одного из членов группы Штефена, в ходе которого он, Вилли, попытается в завуалированной форме предупредить остальных подпольщиков о возможном провале. Сделать это как обычно, через куратора из нелегальной резидентуры, он уже не успевал. Времени было в обрез, и Вилли решился на авантюрный вариант. А случилось вот что.

Сегодня утром Леман попросился на прием к начальнику отделения Вильгельму Абдту и был быстро принят. Первое, что он увидел, войдя в кабинет, – огромный письменный стол, заваленный сообщениями агентурных источников, доверенных лиц, документами из других отделений, сводками постов радиоперехвата, и маленького полного криминальсекретаря⁸ Абдта, едва видневшегося за всей этой горой папок и документов.

– Не желаете ли присесть, мой дорогой? – добродушно улыбаясь, спросил шеф. – Что у вас нового?

Леман остался стоять и официальным тоном заявил:

– Господин Абдт! Прошу привлечь меня к расследованиям! Работа на картотеке важная, но она не занимает много времени. Мне не хотелось бы оставаться в стороне, когда вижу, как загружены мои коллеги!

Начальник отделения явно удивился. Достав из кармашка монокль, он вставил его в глазницу и строго взглянул на Лемана.

– Ну-ну, мой дорогой, вы, видимо, сегодня не в духе, не так ли? Что за блоха вас укусила?

Он вышел из-за стола, взял Вилли под руку, подвел к креслу, стоявшему у круглого столика в углу кабинета, и усадил его. Сам же плюхнулся в другое, стоявшее напротив, достал портсигар и протянул его Леману.

⁸ Криминальсекретарь – секретарь уголовной полиции (должностное звание чиновников среднего звена)

– Ну-ну, сначала давайте покурим, а потом вы расскажете мне о своих идеях, – произнес он.

Они закурили и Леман, разыгрывая волнение, стал высказывать шефу все, что у него «накипело в душе»: он хочет выполнять свой долг и не в состоянии больше злоупотреблять добрым отношением к нему руководства, отсиживаться на картотеке, тогда как другие чиновники перегружены делами по советскому шпионажу. Он просит разрешения тоже подключиться к расследованиям.

Абдт слушал его молча, покачивал головой и откашливался. Он с уважением относился к этому уже немолодому криминальассистенту: толковый, опытный работник, побольше бы таких. Тогда работа политической полиции была бы намного успешнее, исчезли бы коррупция, пьянство и бесполезное времяпрепровождение!

– Ну, мой дорогой! – воскликнул Абдт, хлопнул Вилли по плечу, вскочил и начал энергично мерить шагами кабинет. – Ваша просьба о повышении вашей служебной занятости делает вам честь!

Абдт пробежался из угла в угол кабинета и остановился перед Леманом.

– Посмотрите на это! – он ткнул пальцем в сторону бумаг на своем столе. – Взгляните на вещи моими глазами! Ведь я ежедневно получаю такую кучу документов. И большинство из них не соответствует действительности. Это либо слухи, либо просто ложь! Вы думаете, мне не хочется заняться живым делом, вырваться в город, пообщаться с людьми?

Абдт замолчал и какое-то время молча ходил из угла в угол. Потом он направился к столу, уселся за него и официальным тоном произнес:

– Ваша просьба, криминальассистент Леман, о привлечении вас к расследованиям по делам экономического шпионажа мною удовлетворяется. Отдаю вам приказ – приступить к расследованию дела коммунистического профсоюзного лидера Эриха Штеффена и его группы. Все понятно?

– Так точно, господин Абдт! – Леман вытянулся, а потом повернулся и направился к двери.

– Минуточку, Леман! – остановил его Абдт. – Вы не забыли, что за вами остается советское посольство. Как там идут дела?

– Некоторые успехи уже достигнуты, господин криминальсекретарь, – доложил Леман. К этому вопросу он готовился, и доложить ему было о чем. – Мною завербован некий Тукубеков, который, как мы зафиксировали, дважды встречался в городе с советским консулом. Одновременно к сотрудничеству привлечен другой кандидат, некий Идрисси, который посещал советское представительство. На квартире у них проведены обыски, и после очной ставки они сознались, что сотрудничают с русскими. Через этих двух агентов я планирую вести активную разработку советского консула, а также само представительство.

– Хорошо! – одобрительно улыбнулся Абдт. – Держите меня в курсе событий! – он энергично кивнул, давая понять, что Леман свободен.

«А неплохо придумали русские, – размышлял Леман, – теперь можно морочить Абдту голову с этими агентами, а заодно представлять их как свои успехи. Надо только умело дозировать правду и ложь. Что касается Абдта, то, что бы ни случилось, важно его успокаивать, толковать, что все идет хорошо».

«Да, как быстро все меняется. Не успели сработаться с сотрудником из посольства, как нас передали другому. Признаться честно, не нравился он мне. Уж не из прусских ли он офицеров, похожие повадки. А Эрнст, так тот просто бесился от его постоянных нотаций. Но теперь, кажется, у нас будет очень симпатичный человек. Русские правильно сделали, что прекратили нашу связь с сотрудником посольства. Случай с Тукумбековым и Идрисси это подтвердил. Хорошо, что вовремя приняли меры»...

Но сейчас нужно было немедленно предупредить Штеффена, и Леман помчался по адресу одного из членов группы профсоюзного лидера. Войдя в подъезд, он стал стремительно подниматься по лестнице. Жажда, сухость во рту напомнили, что несколько дней назад у него в моче опять был обнаружен сахар. Врач прописал диету, более того, предложил лечь в больницу, чтобы пройти курс лечения. Леман пока отказался. Чувствовал он себя неплохо, строго следовал рекомендациям врача и лечь в стационар не хотел: нужно было кому-то присматривать за женой, тяжело заболевшей и неспособной обходиться без посторонней помощи.

Наконец Вилли нажал кнопку звонка у входной двери. Но уже через несколько секунд обнаружил, что перепутал двери и звонит не в ту квартиру. Он тут же бросился к двери под номером девять и уже не отнимал палец от кнопки звонка.

Дверь долго не открывали. Наконец в коридоре зажегся свет, послышались легкие шаги, щелкнул в замке ключ и дверь слегка приоткрылась.

– Что... что вам нужно? – дрожащим от страха голосом спросила невысокая красивая женщина, одетая в длинный халат.

– Полиция, – нетерпеливо ответил Леман, распахнул дверь и буквально ворвался в квартиру. «Чертовски красивая женщина, – мелькнуло у него в голове, – неужели она тоже занимается шпионажем».

– Мы арестовали Карла Динстбаха, – сразу взял он быка за рога. Услышав это, женщина побледнела. – Где ваш муж? Я намерен произвести у вас обыск!

– Не знаю, с утра ушел куда-то по своим делам, ответила она, настороженно посматривая на Вилли. «Значит, я на верном пути, – подумал он. – Главное, чтобы они успели принять меры».

Теперь Леман решил изменить тактику. Он вежливо попросил, ее сесть, предложил сигарету, галантно поднес огонь. Она поблагодарила, жадно затянулась и длинной струей выпустила дым. Обстановка в комнате несколько разрядилась, и Вилли решил этим воспользоваться. Он начал говорить и постепенно развел такую болтовню, какую просто никак нельзя было ожидать от этого сурового с виду полицейского. Он перескакивал с одного на другое, валил все в одну кучу: о группе Штеффена, кто из нее арестован, кто предал, кто разыскивается и кого скоро задержат. Как бы между прочим он называл псевдонимы некоторых подпольщиков. Он говорил и говорил, мороча ей голову, и наконец стал иссякать.

– Как видите, госпожа, мы знаем уже много, даже очень много. Не желаете ли вы ответить на парочку вопросов?

– Вы от меня ничего не узнаете, я не скажу ни слова, ни полслова, – твердо заявила женщина. – Вы что же, думаете, я предательница?

– Ни в коей мере, – заявил Вилли. «Что ж, – подумал он, – я все сказал. Думаю, она сделает правильные выводы».

Немного помолчав, не сводя с женщины пристального взгляда, Вилли медленно и многозначительно произнес:

– Да, нужно отдать должное вашему мужу: у него есть вкус, даже чертовски хороший вкус! – Вилли улыбнулся, а затем со значением добавил:

– Жаль только, что ваш муж, Стефан, кажется, довольно неосторожный человек. Мы могли бы арестовать его, когда он выносит документы. Да, да, когда выносит много документов. Конечно, это неприятная история...

– Вы лжете! – перебила его женщина. Она вскочила. Лицо ее сделалось белым как мел.

– К чему такое обвинение, госпожа? С чего это мне обманывать вас? – ответил Леман, искренне недоумевая. – Честно говоря, мне больно за вас.

Мне кажется, что люди, окружающие вас, не ценят вашу красоту, ум и тонкое воспитание! До свидания, госпожа! Сожалею, что не застал вашего мужа. У меня к нему тоже были вопросы.

В глазах женщины страх сменялся недоумением: что еще может выкинуть этот странный полицейский? Вилли молча надел шляпу и вышел из квартиры.

Реакция, на которую рассчитывал Леман, последовала, причем гораздо быстрее, чем он ожидал. Как только о его визите стало известно в посольской резидентуре, ее новый руководитель Борис Берман⁹, оперативный псевдоним «Артем», сменивший на этом посту Самсонова, не на шутку встревожился. Не имея возможности напрямую давать указания нелегалам, опасаясь возможного провала ценного агента в полицей-президиуме, он срочно направил шифротелеграмму начальнику Иностранного отдела Мессингу¹⁰.

⁹ Берман Борис Давидович (1901–1939). С 1931 г. сотрудник ИНО, работал в Италии, Франции, Германии. В 1933 г. вернулся в центральный аппарат, был заместителем начальника ИНО, затем начальником секретно-политического отдела. С 1937 г. нарком внутренних дел Белоруссии. Арестован в 1937 г. и расстрелян.

¹⁰ Мессинг Stanisław Adamowicz (1890–1937). Возглавлял внешнюю разведку с 1921 по 1931 г. Затем на руководящий работе в Наркомате внешней торговли. В 1937 г. арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Глава 4. Лубянка ставит на Лемана

Немецкое направление Иностранного отдела ответа на запросы в нелегальную группу № 2, «Генрих», пока не получало. Секретарь закордонной части Янишевский, быстро шагая по коридору, бросил на ходу, что для сотрудников немецкого направления у них пока ничего нет, и, словно извиняясь за свое невнимание к ним, добавил, что, если что-то поступит, он сразу зайдет.

Чай секретарша пообещала нагреть минут через пятнадцать. Карл Силли¹¹, новый куратор по Германии, невысокий смуглый венгр, открыл свой кабинет, зажег свет, снял пальто и кепку и принялся раскладывать на столе документы из своего брезентового мешка. За время работы в органах, особенно в период борьбы с бандитизмом, ему приходилось располагаться на время работы не только в случайных, чужих кабинетах, но и во всяких каморках, по сравнению с которыми это просторное, чистое, проветренное помещение на Лубянке представлялось чуть ли не дворцом. Особенно ему нравился большой, оббитый зеленым сукном стол. Сослуживцы, занятые своими делами, отсутствовали.

Прежде всего, он просмотрел собранные подчиненными в папку документы по ряду наиболее ценных источников в Берлине, с особым вниманием последние, поступившие с недавней почтой во время его кратковременного отъезда. Прочитав сообщения из группы нелегалов о работе со своими агентами, Силли не без иронии улыбнулся: чего-чего, а сырых идей от ребят поступает предостаточно.

Помощник, приготовив в углу на столике чайные принадлежности, направился к секретарше за кипятком, а Силли взялся набрасывать ориентировку о новых методах работы немецкой полиции, но дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился Мессинг, высокий, представительный мужчина, одетый в военную форму без знаков различия.

– Здравствуйте, – поздоровался Силли и неторопливо поднялся.

– Живой? – проведя рукой по густой шевелюре, басовитым голосом спросил Мессинг.

– Как видите, – усмехнулся Силли.

– Садись... Неплохо устроился, – оглядывая кабинет, заметил Мессинг. – Чаи гоняешь... От начальства сел подальше!

Он шутил, но его широкоскулое лицо сохраняло властное, суровое выражение.

Силли еще недостаточно хорошо знал начальника отдела, тем не менее почувствовал, что за его шутивостью скрывается недовольство. Знать бы чем!

– Ну, что нового в Германии? – спросил он, не глядя на Карла, а устремив свой взор в окно.

– Нацисты продолжают укреплять свои позиции. Участие Гитлера в правительстве не исключено уже в ближайшее время.

– Но немецкие военные, особенно в окружении генерала Шлейхера, убеждают нас, что национал-социалисты ничего не смогут сделать помимо рейхсвера и вопреки рейхсверу, что в случае их участия в правительстве они все равно не будут хозяевами! – уверенным тоном возразил Мессинг. И, как бы желая подкрепить свою позицию, добавил: – Товарищ Сталин придерживается такого же мнения.

Положение в СССР не переставало ухудшаться, и надежда, что Сталин, осознав результаты своих перегибов, положит этому конец, понемногу исчезала. В партии царили опасные настроения. Возникали платформы, требующие отстранения Сталина, и всюду: на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, на улицах – ощущалось тревожное ожидание:

¹¹ Силли Карл (1883–1937), с 1931 г. сотрудник ИНО. Работал в Германии, Австрии. Был заместителем легального резидента в Берлине. Репрессирован в 1937 г.

что-то вот-вот случится в партии или стране. Люди надеялись на чудо, но власть Сталина над партийным аппаратом и над страной в целом была намного прочнее, чем это многим казалось. Мессинг это прекрасно понимал, поэтому не упускал случая лишний раз подстраховаться.

– Может, и так, – не стал возражать Силли. – Но вот послушайте, что пишет из Германии Гиршфельд¹²!

Силли быстро извлек из папки листок и протянул начальнику ИНО.

«Сейчас сравнительно мало уделяется внимания, – стал читать Мессинг, – внешнеполитическим воззрениям национал-социалистов, которые указывает на направление внешней политики Германии ближайшего будущего. Официально внешнеполитическая линия нацистов рисуется как антифранцузская и антипольская с ориентацией на Англию и Италию. Однако целый ряд фактов показывает, что генеральной линией является борьба с Советским Союзом.

– Оригинальная позиция, – заинтересовался Мессинг, – проследи, если сможешь, за дальнейшими сообщениями этого парня. Теперь вот что, зачем я, собственно, пришел. Ты последнюю почту из Берлина читал?

– До нас пока еще не дошла, – улыбнулся Силли.

– Тогда прочти вот это! – он протянул телеграмму Бермана.

«20.05.30.

Дорогой товарищ Алексеев!

Фриче завтра выезжает. Последний допрос показал, что он большой трус и дурак... Протокол допроса посылаем почтой. Прочитав протокол, ты увидишь, что А/201 ведет себя просто безобразно. Но это еще полбеды. Вчера он был с обыском у жены Стефана и рассказал ей буквально все подробности дела. Рассказал, кто арестован, кто предал, кто разыскивается. Жена Стефана тут же прибежала к нам и чуть ли не прямо заявила, что этот полицейский “наш”. Здесь я не раз уже обращал внимание «товарищей» на то, что если А/201 так будет действовать, то он неизбежно провалится. Вся беда в том, что его плохо инструктируют, и считаю, что по этому вопросу вы должны дать “товарищам” соответствующие инструкции. Твой Артем».

Пока Силли читал, Мессинг нетерпеливо постукивал пальцами по столешнице.

– Ну, что скажешь? – спросил он, когда Силли ознакомился с текстом.

– Что ж, Берман прав, вероятно, плохо работают с агентом.

Карл вспомнил Бермана – высокого, стройного, моложавого мужчину, любимца женщин, большого умницу.

– Какой там плохо! Отвратительно! – Мессинг поднялся и стал мерить шагами кабинет. – У нелегалов нет опытных оперативников. Для работы с таким агентом нужен профессионал. Что будем делать? У тебя есть предложения? – он сразу перешел к практическому решению вопроса.

– Предложения дадим, но, может, выпьем сначала чаю?

– Давай!

Мессинг остановился перед Силли и рассматривал его с высоты своего роста. Силли взял чайник и разлил горячий напиток по чашкам. Все это он проделал абсолютно невозмутимо, словно перед ним стоял не большой начальник, а его приятель, с которым он обсуждал очередную проблему.

¹² Гиршфельд Александр Владимирович (1892–1962). – Сотрудник военной разведки. С 1935 г. по 1938 г. в Германии под дипломатическим прикрытием. После войны профессор МГУ.

– Недавно пришло письмо от «Джека», руководителя нелегальной группы № 2, – как всегда неторопливо начал Силли. – Он спрашивает, как быть с материалами от А/201: передавать их Берману и реализовывать на месте или направлять нам? Его беспокоит, что если Берман будет предупреждать коммунистов, которыми, по данным А/201, занимается полиция, то рано или поздно в полицейско-президиуме могут пронюхать, что КПП¹³ очень много знает из того, что ей не следовало бы знать!

– Что вы решили?

– Мы написали, что разделяем это беспокойство, и предложили Берману реализовывать материалы крайне осторожно. В каждом случае исходить из возможности расшифровки источника.

Мессинг сидел молча, потирая ладонью широкий затылок, что он делал в минуты волнения или напряженной умственной работы. Потом взял письмо Джека и тоже внимательно его прочитал.

– Мы ведь давали указание ограничить активность Стефана, а он по-прежнему продолжает носить материалы, – возмутился он. – Смотри, уже А/201 их тыкает носом, а он все носит материалы. Напиши: пусть немедленно выводят Дейча из Германии! Безобразие!

Потом он неожиданно переменял тему.

– Кстати, а по какой тематике А/201 приносит документы?

Силли достал нужную папку и раскрыл ее.

– Вот перечень некоторых литературных дел, к которым он имеет доступ.

Мессинг стал читать: «Дело № 7 – русский шпионаж; дело № 97 – загранпаспорта для немцев русского происхождения; дело № 138 – компартия Германии и измена родине; дело № 151 – экономический шпионаж; дело № 165 – советское представительство в Германии; дело № 168 – школа шпионажа в Минске; дело № 135 – новое направление иностранного шпионажа; дело № 143 – украинцы; дело № 162 – следственные дела по шпионажу.

– Объем материалов, видимо, большой, – заметил Мессинг.

Когда Силли показал ему железный шкаф, несколько полок которого уже были заполнены материалами, полученными от источника, начальник ИНО лишь покачал головой.

– Еще раз напомним Берлину: все задания А/201 ставить только через Центр, не допускать никакой самостоятельности. Так кого пошлем работать с агентом? Клесмет явно не справляется со своей задачей.

– Подходящий человек есть, товарищ начальник, но он сейчас в Париже.

– Кто это? – заинтересовался Мессинг.

– Зарубин Василий Михайлович. В органах с 1921 года, был в Харбине. На нелегальной работе вместе с женой Лизой с 1925 года. В Париже у них дела идут хорошо. Правда, в личном плане есть проблема.

– Какая?

– Жена беременна и скоро должна родить.

– Да, это действительно проблема. Оставьте их в Париже, пока не родит. Но вообще подумай! Боюсь, чтобы в Берлине не наломали дров.

Мессинг поднялся, допил чай и, не прощаясь, быстро вышел из кабинета.

«Теперь можно пойти перекусить», – подумал Силли. Попросив помощника побыть в кабинете, он по узкой внутренней лестнице направился во двор, где в одном из подвалов был оборудован буфет для сотрудников...

Павел Корнель не ошибался, когда предполагал, что трения во взаимоотношениях источников А/70 и А/201 вызовут большое беспокойство у руководства. Время шло, а внести

¹³ Коммунистическая партия Германии.

ясность в сложившееся положение никак не удавалось, и это несмотря на неоднократные напоминания Центра.

К началу года друзья наконец были переданы на связь новому нелегалу Николаю Клесмету, оперативный псевдоним Карл, которому и предстояло безотлагательно решать эту проблему. Теперь их группу в переписке именовали «Генрих».

Еще раз обкатав проблему, пришли к выводу, что Клесмету следует организовать с агентами совместную выпивку, в ходе которой, крепко угостив друзей, разведчику нужно осторожно подтолкнуть их к откровенному разговору.

Предлог для такой встречи вскоре подвернулся: день рождения А/201. Клесмет предложил встретиться втроем в ночном кафе и в узком кругу по-мужски провести чествование. Друзья охотно согласились.

Когда Клесмет появился в небольшом прохладном зале заведения, за столиком, по-праздничному уставленном едой и выпивкой, сидели Леман и уже заметно подвыпивший Кур. Вилли, как именинник, чинно помещался во главе стола. Когда Клесмет подошел, Эрнст что-то занудно толковал, как невесело и трудно ему жилось в последний год. Он так увлекся, что не сразу сообразил, что рядом с ним уже сидит их куратор. К ним сразу подошла молоденькая симпатичная кельнерша. Выяснив, что заказ уже сделан и ничего другого клиенты пока не желают, она приветливо улыбнулась и отошла.

Вилли налил водки в рюмки Клесмету и Эрнсту, себе плеснул немного, вскользь заметив, что он не совсем здоров, и предложил выпить.

– За здоровье нашего друга! – поднял рюмку Клесмет.

Все выпили и принялись закусывать. Николай проголодался, но, чувствуя себя несколько стесненно в присутствии агентов, ел маленькими кусочками, медленно и осторожно, не забывая посматривать вокруг. Эрнст выпил, толком закусывать не стал, а сразу же закурил и опять принялся рассказывать что-то о своей жизни. Вилли, с аппетитом уминая мясо с гарниром, слушал его, не перебивая, но и без особого сочувствия: он уже не раз внимал жалобам Эрнста, и ему, видимо, хотелось поговорить о чем-то другом.

Разговор преимущественно велся между Вилли и Клесметом, спокойный, обстоятельный, и касался служебных дел Вилли. Потом речь зашла о Лейпциге, где родился Леман, и Эрнст, решив вмешаться в их беседу, брякнул невпопад что-то такое, отчего всегда невозмутимый Вилли вдруг вспыхнул и сердито заговорил:

– Ты, Эрнст, говори, да не заговаривайся! – воскликнул он. – Любишь ты трепаться!

Эрнст, ошарашенный столь внезапным оборотом до того спокойного и дружелюбного разговора, приложил руку к груди и растерянно замолчал. Все на мгновение притихли, но тут находчиво вмешался Клесмет.

– Давайте выпьем за Лейпциг, – весело предложил он, доливая всем в рюмки, – и за Берлин тоже!

Вилли, все еще хмурый после вспышки, поднял рюмку и, неожиданно широко улыбнувшись, залпом опрокинул ее в рот.

– Все хочу вас спросить, – обратился Клесмет к Вилли, воспользовавшись благоприятной минутой, – как вы оказались на службе в полиции?

– Как я оказался в полиции? – переспросил Вилли и опять улыбнулся: – Да вот благодаря ему! – он кивнул на уже изрядно захмелевшего Эрнста. – Он, можно сказать, мой крестный отец!

– Как так? – удивился Клесмет.

– Случилось все в 1913 году, – начал Вилли свой рассказ. В тот год он, военный моряк, демобилизовался и приехал в Берлин. Он поселился в дешевом пансионате и стал посещать собрания «Союза африканцев», участников колониальных войн к Африке! Крейсер, на котором служил Леман, поддерживал операции сухопутных войск.

На одном из собраний Вилли повстречался с Эрнстом. Тот уже был чиновником тайной политической полиции, но Вилли вначале этого не знал.

Друзья стали посещать кабаки, благо у Вилли было немного скопленных денег. Эрнст, присматривался к нему, а когда решил, что Леман для полиции подходит, замолвил за него слово перед руководством.

Вскоре Леману сделали официальное предложение, но предупредили, что в качестве испытательного срока он должен год прослужить простым патрульным полицейским. Вилли согласился.

В 1914 году, после успешного прохождения испытательного срока, Леман, как бывший военный моряк, был переведен в контрразведывательное отделение /абвер/ полицей-президиума Берлина на должность помощника начальника канцелярии.

Вскоре началась война. В отделении подобралась группа чиновников, бывших военных, которые работали самостоятельно и занимались широким кругом вопросов.

В мае 1918 года в Берлине было открыто дипломатическое представительство РСФСР, и чиновники из отделения Лемана стали вести наблюдение за его персоналом. В полиции знали, что в Верховном командовании германских вооруженных сил считали: сохранение власти большевиков в России равносильно отсутствию Восточного фронта. Поэтому особого рвения в отношении русских чиновники не проявляли.

4 ноября 1918 года вспыхнуло восстание в Киле. Началась революция...

Эрнст потихоньку выпивал, а Клесмет с Вилли так увлеклись беседой, что ничего не замечали вокруг. Между тем зал заполнился, стало шумно, в воздухе повисло плотное облако табачного дыма.

– Продолжайте, Вилли, это все очень интересно, – подбадривал собеседника Клесмет.

– Всеобщая эйфория захватила и берлинскую полицию, – рассказывал дальше Леман. – Стихийно образовался Комитет чиновников полиции. Меня избрали председателем общего собрания. Мне тогда казалось, что сбылась мечта моей юности: простой моряк, обличенный доверием своих товарищей, становится лидером в борьбе за справедливость. На всю жизнь запомнил я чувства, которые переживал в тот момент!

Волю и порядок в лагере социал-демократов воплощал Густав Носке, позже назначенный военным министром. У Лемана были знакомые из его команды, с которыми он сотрудничал во время войны.

Вилли, как бывшему военному моряку, поручили заняться флотскими. Он легче, чем кто-либо другой, мог разобраться в личном составе и делах экипажей и судовых команд. За двенадцать лет службы на флоте он основательно изучил «морских волков». Стоило ему только раз с кем-нибудь побеседовать, как он сразу мог определить, что это за человек. Тогда же у него завязалась дружба с моряком Отто Штройбелем, председателем Совета солдатских и матросских депутатов, с которым раньше они плавали на одном корабле.

В этот момент Вилли с Эрнстом получили важное задание: наладить связь со штабом гвардейской кавалерийско-стрелковой дивизии. 13 января 1919 года они доставили в штаб дивизии исторический приказ Носке: дивизия должна отрезать юг Берлина от северных рабочих кварталов, занять улицы в районе Шпрее, рейхстага, окружной железной дороги и Потсдамской площади.

Спустя двое суток в предрассветных сумерках походные колонны дивизии пришли в движение. Стратегические пункты были заняты ими без малейшего сопротивления.

Тогда пришло время добровольческих отрядов. Ненависть, накопившаяся в сердцах немцев, верных старым порядкам, обрушилась на безоружных противников. Карательные отряды добровольцев прочесывали дом за домом и беспощадно расстреливали любого, кого принимали за коммуниста. Спустя некоторое время обстановка в столице вновь накалилась. Берлинский Совет под давлением рабочих объявил всеобщую забастовку. В ответ Носке ввел

в городе осадное положение. На улицах начались столкновения рабочих с морскими бригадами, которые переросли в вооруженное восстание. Пришлось вновь обращаться за помощью к регулярным войскам.

Леман и Кур вновь выполняли задания по поддержанию связи между правительством и частями первой гвардейской дивизии. Обстановка в Берлине сложилась крайне опасная, и им приходилось проявлять смелость и ловкость, пробираясь под огнем из одной части города в другую, собирая попутно необходимую информацию. Опасность еще больше их сблизила.

В апреле 1920 года власти приняли решение о воссоздании политической полиции, и Леман с Куром вернулись в свое контрразведывательное отделение.

Пора было подводить итоги прошедшей жизни. Надежды, которые Вилли связывал с социал-демократами, не оправдались. Он испытывая глубокое разочарование от того, сколько сил и энергии, наконец здоровья, были потрачены впустую. В полицию пришли новые люди, и кому из них было дело до заслуг друзей в революцию! Всю команду Носке разогнали.

Леман вернулся на прежнюю должность. Для дальнейшего продвижения по службе ему необходимо было сдать экзамен на среднюю ступень полицейского чиновника. Для этого обычно подбиралась группа, которая в течение двух лет упорно готовилась к экзамену на высшего криминального служащего /комиссара/, а также осваивала значительное количество общеобразовательных предметов.

Такая группа подобралась и у них в отделе. Вилли энергично взялся за учебу, но незадолго до экзамена он впервые слег с приступом сахарного диабета. Тут уже было не до экзамена, нужно было лечиться, слишком серьезной оказалась болезнь. Вот когда пришлось расплачиваться за бурную молодость!

Из-за болезни он не сдал экзамена и не получил более высокого ранга. Остался криминальассистентом.

Руководство полицей-президиума, в частности правительственный советник Герке, да и сам Дильс сочувственно отнеслись к нему.

Отдавая должное его опыту и организаторским способностям, его временно назначили исполняющим обязанности начальника канцелярии отделения.

В это время вся переписка контрразведывательного отделения проходила через его руки. Он распределял дела между чиновниками, о результатах проделанной работы часто докладывал непосредственно советнику Герке, проводил еженедельные совещания с младшими чиновниками, сам вел особо важные досье, контролировал работу других чиновников. Иногда по важным делам, связанными со шпионажем, он выезжал в командировки в другие города, а также ежегодно участвовал в организации наблюдения за иностранными военными атташе во время маневров. По существу, он руководил контрразведывательным отделением в полном объеме.

В первые годы службы в политической полиции необычность ее деятельности, присутствие опасности, риска, ощущение своей власти над людьми – все это вызывало у него большую увлеченность работой. Однако постепенно Леман понял, что полиция, как флот и армия, является бюрократической системой, что здесь тоже процветает карьеризм, скрытая борьба между чиновниками за благосклонность начальства, за должности. Всей своей предшествующей флотской жизнью он был приучен к тому, что карьера должна делаться добросовестной службой, проявлением инициативы и смелости, но отнюдь не угодничеством перед начальством и «расталкиванием локтями» сослуживцев.

– Принимая участие в вооруженной борьбе в Берлине, – говорил Вилли, – я думал, что рискую жизнью во имя будущего страны и себя тоже. Однако социал-демократическая верхушка использовала таких, как я, лишь в качестве средства для достижения своих целей. Потом нас выбросили на улицу. Общее разочарование социал-демократами усиливалось

чувством безысходности в связи с экономическим хаосом в стране, инфляцией и массовой безработицей. Ко всему этому добавились личные проблемы: неудача с экзаменом, заболевание диабетом, напряженные отношения с женой, которая не только меня не поддерживала морально, но постоянными придирками и упреками по поводу малых заработков, что у нас нет детей, лишь усиливала угнетающие меня чувства.

Вилли задумался и замолчал. Видимо, воспоминания его глубоко взволновали. Молчал и Клесмет. Наконец Леман поднял голову и продолжил:

– Состояние мое было ужасное, хоть стреляйся. Но как-то утром, рано проснувшись, я подумал: а почему я уперся в эту службу? Жизнь показывает, что не она должна быть целью, а мое здоровье и отдых. А работа в полиции должна помочь мне достигнуть этих целей.

Леман быстро установил контакт с одним частным детективом и за плату стал предоставлять ему необходимую информацию. Правда, первый блин вышел комом. Из-за неосторожности детектива в полиции узнали об их отношениях, но начальство дело замяло. Вилли понял, что впредь надо быть более осторожным.

Постепенно утряслись дела и на семейном фронте. С помощью Эрнста Вилли познакомился с девушкой, которая вскоре стала его любовницей. Она была значительно моложе его по возрасту, хороша собой и полна той женственности, которая так привлекает мужчин. Флорентина Ливорская, так ее зовут, росла без родителей, сиротой, к Вилли привязалась, была нежной и преданной подружкой, буквально его обожающей.

На службе дела шли своим чередом. В отделении контрразведки, зная о широком военно-техническом сотрудничестве между рейхсвером и советскими военными, сквозь пальцы смотрели на деятельность советской резидентуры в Берлине. Случаи шпионажа, раскрытые 5 отделением отдела Ia полицией-президиума, не подвергались строгому судебному разбирательству. Обычно суд выносил мягкие приговоры, сводившиеся к нескольким месяцам тюремного заключения даже в отношении очень серьезных преступлений.

В 1927 году начальником отделения назначили Вильгельма Абдта, опытного военного разведчика, хорошо знающего русский и польский языки. Его заместителем стал криминаль-секретарь Шлаф. После этих назначений Вилли понял, что перспектив роста по службе у него не будет. Поэтому он выбрал себе спокойное место в картотеке и там работает по настоящее время. Леман закончил свой рассказ, когда ночь уже была на исходе. Кафе закрывалось, последние посетители спешили покинуть помещение. Пора было уходить и им. На улице было тихо. Редкие автомашины высвечивали фарами одиноких прохожих.

Клесмет не раз потом вспоминал, как закончился тот памятный вечер. Помнится, он предложил пройтись пешком, чтобы освежиться, и они с Леманом, тихо беседуя, не торопясь, шли впереди, в то время как Кур в состоянии сильного опьянения буквально волочился за ними в шагах пятидесяти.

– Вилли, хотелось бы услышать от вас, как вы пришли к мысли работать с нами? – спросил Клесмет.

– Как это выразиться точно? – Леман на минуту задумался.

– Понимаете, существует ряд запретов, которые должны были бы удерживать меня от этого шага: честь, верность долгу, патриотизм и тому подобное...

Но я разочаровался в нашей полиции. Мне было стыдно, как вели себя наши политики, такие как прежний военный министр Носке или нынешний начальник нашего отдела Дильс, пьяница и бабник. Поступки этих людей развязали мне руки.

Он на минуту замолчал, пережидая, пока проедет автомобиль, а затем продолжил:

– Я также убедился, что политическая полиция коррумпирована в прямом и переносном смысле слова. Я видел, что она делает для защиты власти богачей, безжалостно преследуя коммунистов и не трогая национал-социалистов. Я уж не говорю о том, что каждый

чиновник не упустит возможности воспользоваться своим положением, чтобы обогатиться. В этой полиции я не видел для себя перспективы продвижения по службе.

Конечно, он мог бы рассказать, что был лучше, чем кто-либо, осведомлен о деятельности советского диппредставительства, что ему не все нравится, точнее нравилось. И тем не менее он, как и многие немцы, всегда симпатизировал новой России и поэтому считал, что если сможет предотвратить аресты сотрудников советской разведки или немецких коммунистов, то не принесет Германии никакого вреда.

Он понимал, что Клесмету было бы, наверное, приятно от него услышать, что он пошел на этот шаг из-за возмущения порядками в стране, или из-за недовольства руководством полицией, или из любви к Советам. Но он рискнул исключительно ради денег. Да, денег! Потому что понял, что только деньги позволяют быть независимым, вести достойное человеческое существование, не отказывая себе ни в чем.

Его любовь к Флорентине формировалась нелегко и сопровождалась внутренними конфликтами. Неурядицы с Маргарет, одиночество, отсутствие теплоты и понимания в отношениях с женой – все это способствовало сближению с девушкой и подтверждало его вывод о возможности сохранить их отношения лишь при наличии денег. На триста марок месячной зарплаты в полиции ничего толкового не сделаешь.

Все это он мог сказать, но промолчал и закончил свою мысль так:

– Я всегда хорошо относился к вашей стране. За то, что вы делаете для меня, я вам благодарен. Мне кажется, что вы и люди, с которыми я работал раньше, испытывают ко мне по-настоящему теплые и дружеские чувства. И я чувствую себя в долгу перед вами. Не знаю, сумел ли я ответить на ваш вопрос?

– Спасибо, Вилли, за откровенный ответ. Но у меня еще есть вопрос. Вы не подумайте, что я имею что-то против Эрнста, я понимаю: он ваш друг и сослуживец. Но я хочу понять, как вы лично оцениваете нынешнее положение вещей в нашей работе в связи с тем, что Эрнст, как я убедился, ведет себя недостаточно конспиративно?

Леман задумчиво покачал головой. Казалось, что он не знает, с чего начать.

– Вы коснулись очень чувствительной для меня темы, – прервал он паузу. – Извольте. Расскажу все по порядку. После революции Эрнст был командирован в Верхнюю Силезию, кого-то там арестовал, при аресте конфисковал пятнадцать тысяч марок. Арестованный вскоре умер при невыясненных обстоятельствах, а деньги Эрнст утаил. Этот случай получил огласку, Эрнста обвинили в убийстве и судили. Выручили его нацисты.

Из дальнейшего рассказа Лемана выяснилось, что уже после того, как Кур разошелся с женой, Каролина пришла к Вилли и рассказала, что Эрнст хранит дома целую кипу служебных дел. Леман пытался убедить ее, что это, видимо, старые дела, но она не успокаивалась и грозила заявить в полицию. Он поговорил об этом с Эрнстом, попросил его уничтожить бумаги. Тот обещал от них избавиться, но ничего не сделал. Кончилось все тем, что Каролина написала заявление в полицию, на квартире произвели обыск, обнаружили злополучные папки с весьма важными документами и опять на Эрнста завели дело. Однако за его старые заслуги руководство полиции не дало делу хода.

После этого случая все знакомые от Эрнста отвернулись. Лишь один Леман, рискуя нажить неприятности, продолжал его поддерживать.

Как-то в начале 1929 года у Вилли появилась мысль: а что, если направить Эрнста в советское посольство? Он может предложить за плату свои услуги. Опасности для него никакой, ведь он безработный. Без Лемана он все равно ничего бы не смог делать, а если начнут платить, деньги можно делить пополам. Если поймут обоих, скажу, что посылал его с заданием в рамках разработки персонала советского постпредства.

Он только изложил идею Эрнсту и указал, к кому ему следует обратиться в посольстве. Всех деталей не рассказывал, хотел посмотреть, что из этой затеи получится. Через

некоторое время Эрнст начал расспрашивать меня о разных делах, просил навести справки на отдельных лиц. Вилли понял, что он договорился с русскими. Дальше – больше. Эрнст стал постепенно втягивать Лемана в сотрудничество и наконец сделал официальное предложение, как Вилли понял, по поручению русских. Вилли согласился, и они начали работать вместе.

Леман еще раз подчеркнул, что знакомство с Эрнстом представляет сейчас для него опасность. Если сослуживцы увидят их вместе, на работе у него могут быть неприятности.

– Но я понял, что вас беспокоит поведение Эрнста? Что конкретно? – уточнил Клесмет.

– Вы правы. Когда у него появляются деньги, он становится легкомысленным, обо всем забывает и знает только одно – веселиться!

– Как он тратит деньги, которые получает от нас?

– В те дни, когда у него есть деньги, он часто на всю ночь устраивает в каком-нибудь кабаке пьянку, угощает женщин, музыкантов, кельнеров, изображая из себя миллионера. Кроме того, он взял за правило в двух-трех пивных Веддинга и Нейкельна – вы знаете, это коммунистические районы Берлина – сидеть целыми днями с безработными и вести с ними разговоры о текущей политике. Если денег нет, он занимает их у владельцев пивных. Этого «богатого дядю» уже многие знают. В каждом кафе он заводит разговоры с кельнерами. Два раза встретиться в одном и том же кафе уже нельзя: кельнеры сразу вас узнают. Я уже много раз говорил ему, что надо бросить эту дурную привычку!

– Это все его грехи?

– Нет не все. Меня беспокоит, что те материалы, которые я передаю для вас, а также мои записки, по которым Эрнст пишет донесения, он носит постоянно с собой. Я не знаю, как уничтожаются те записи, которые вам не передаются. Может, они хранятся у него в кармане длительное время? Понимаете, достаточно обнаружить у него хоть одну мою записку, как сразу можно установить, кто ее писал: облава, драка или несчастный случай – и дело готово!

Взволнованный, Вилли замолчал. Но Клесмет чувствовал, что он еще не выговорился. И он не ошибся. Вилли рассказал, что беспокойство вызывает Каролина, первая жена Эрнста. Если она узнает, что Эрнст имеет квартиру, обстановку и, следовательно, деньги, она немедленно подаст в суд на алименты, которые он должен ей платить после развода. В настоящее время он сошелся с женщиной, которая пытается держать его в руках. Если бы не она, Эрнст совсем бы спился. За то, что они живут вне брака, Эрнст уже заплатил сотню марок штрафа.

– Такой он человек: нет денег – хороший парень, есть деньги – пьяница. Вот и сегодня набрался! – Вилли с жалостью посмотрел на бредущего поодаль Эрнста.

Клесмет подумал, как это жизнь Эрнста никому не бросилась в глаза из его старых знакомых? Был безработным – и вдруг все изменилось! Любой догадается, что так жить с заработка его жены, медсестры, которая получает сто пятьдесят – сто восемьдесят марок, невозможно. Одна квартира ему обходится в сотню марок ежемесячно!

Клесмет остановился, повернулся к Леману и требовательно взглянул ему в глаза.

– Я предлагаю вам очень серьезно поговорить с Эрнстом, пригрозите ему, что откажетесь с ним работать!

– Да, я приму все меры, чтобы он образумился, – согласился Леман. – Пока прошу никаких мер против него не предпринимать. Все-таки он хороший работник и друг! Трудно ожидать, что он сразу исправится, но я постараюсь.

– А как у вас дела со здоровьем? – поинтересовался Клесмет.

– Болезнь меня по-прежнему беспокоит. Сейчас сахара в крови меньше, но нужно продолжать лечение. Стоит оно сто марок в месяц.

– Можете не беспокоиться, все затраты на лечение мы вам компенсируем, – успокоил его Клесмет.

Стало светать. Было тихо и свежо. Друзья сели в такси, а Клесмет решил пройтись. «Да, дела! – думал он, размеренно шагая по тротуару. – Предстоит перевоспитывать старого алкоголика. Его образ жизни может привести к провалу, и нужно срочно предпринимать какие-то меры, чтобы исправить положение. На работе у Лемана обстановка осложняется».

Он вспомнил, что несколько дней назад у него уже было столкновение с Куром, когда тот позвонил по телефону и спросил, как будет по-немецки «черные вороны» и «пролетарий, будь начеку». При встрече Клесмет выдал ему по первое число! Это его слабость – показывать, что он немного знает русский.

«Может, попробовать давать ему на руки только часть денег, – прикидывал Клесмет, – а остальные класть на его счет в Швейцарии? Да, теперь многое прояснилось и с самим Леманом. Ясно, что он направил к нам Кура. По сути, Вилли парень порядочный, верный дружбе и своему слову. В политическом плане с ним нужно поработать, толк будет. Это не Эрнст. Кстати, надо подумать, как лучше отвести Эрнста от Вилли».

За размышлениями Клесмет не заметил, как добрался до дома. После напряженной ночи на плечи свалилась тяжелая ноша.

Не прошло и двух недель после той памятной для всех ночной встречи в кафе, как Кур в сильном волнении разыскал Клесмета: Вилли слег с сильным обострением диабета.

Не мешкая вечером того же дня нелегал отправился на такси на квартиру к агенту.

«Кажется, я почти на месте», – подумал Клесмет, заметив приближение нужного ему номера дома. Он расплатился с таксистом и вышел, решив оставшуюся часть пути пройти пешком, с тем чтобы осмотреться и изучить обстановку вокруг.

Однако было все спокойно, и, не заметив ничего подозрительного, Клесмет вошел в подъезд и стал подниматься по лестнице.

«Хорошо бы не встретить никого из соседей», – подумал он, оглядываясь по сторонам.

Дверь открыла невысокая молодая женщина. Минуту спустя они прошли по коридору, заставленному плохо различимыми в темноте предметами. Сняв пальто и шляпу, Клесмет на ходу поправил галстук и одернул пиджак.

В квартире пахло лекарствами. Это напоминало ему госпиталь, где в гражданскую войну после ранения ему пришлось проваляться несколько месяцев.

– Он чувствует себя очень плохо. У него образовалась опухоль на левой голени. Врач определил повышенное содержание сахара в крови... – она была явно взволнована.

– Но сейчас его жизнь вне опасности? – останавливаясь, тихо спросил Клесмет.

– Врач говорит, что пока трудно утверждать что-либо определенно. Не исключено, что могут ампутировать ногу...

– Вам нужно немедленно отвезти его в больницу, где имеется специальное отделение для больных, страдающих диабетом.

– Врач просил пока обождать. Он сделал два укола сильнодействующего лекарства. Разговаривать Вилли вообще-то нежелательно... Вы его не утомляйте, пожалуйста, – вдруг совсем неофициально попросила она, улыбнувшись, и Клесмет машинально отметил, что она молода и хороша собой. – Сюда, пожалуйста...

В большой светлой комнате она указала на кровать у стены и сразу же ушла. Увидев Клесмета, Леман смущенно улыбнулся и жестом предложил ему присесть на стул, стоявший у изголовья.

– Добрый вечер, Вилли, – поздоровался Клесмет, – Как вы себя чувствуете?

Леман, словно не понимая, где он и что с ним, молча глядел на гостя.

– Вилли, я спрашиваю, как ваше самочувствие? Вы меня слышите?

– Да, – тихим голосом не сразу ответил Леман и осведомился: – Что-то случилось?

– Нет, нет, ничего не случилось. Все в порядке. Просто я захотел узнать, как ваше самочувствие и не нужно ли чем-нибудь помочь, – успокоил его Клесмет.

– Очень сильные боли в конечностях, воспалилась голень левой ноги. Увеличился сахар. Врач выписал дорогие лекарства и говорит, что через пару дней дела пойдут на поправку, – подобие улыбки пробежало по губам Лемана. Он попытался приподняться.

– Лежите, лежите, Вилли! Сейчас вам нужен абсолютный покой! А может, все-таки отправить вас в больницу?

– Спасибо, но пока не нужно. Врач считает, что необходимо выждать. Хотите кофе? Сейчас попросим, и она принесет.

– А кто это? – Клесмет указал глазами на дверь.

– Это Флорентина Ливорски, моя подруга, я вам рассказывал. Жена уехала к родителям в Швибут, старики часто болеют, и за ними нужно присмотреть. А Флорентина приходит и ухаживает за мной, пока я болею, – пояснил Леман.

– Понятно, – кивнул Клесмет. – Вилли, вы можете заказывать все лекарства, которые необходимо. О цене не беспокойтесь, мы все оплатим.

– Спасибо.

Убедившись, что Леман чувствует себя достаточно хорошо, чтобы разговаривать о серьезных делах, Клесмет рассказал о недавней встрече с Эрнстом. Тот обратился с просьбой отработать условия связи на случай опасности. Он ранее якобы говорил на эту тему с Бомом, но безрезультатно. Сейчас обстановка в Берлине осложняется, и он хочет знать, как ему действовать, если заметит за собой наблюдение. Клесмет, конечно, разъяснил ему, что осторожность нужна прежде всего в работе, а отступление – это в последнюю очередь. Тем не менее он предложил Эрнсту условия связи на Швейцарию и хотел бы, чтобы Вилли тоже их знал и мог воспользоваться ими при необходимости.

– Кто-нибудь знает обо мне в Берлине? – спросил Вилли, после того как куратор закончил свой инструктаж.

– Я и Эрнст, еще мой начальник, больше никто, – ответил Клесмет.

– Это хорошо! А где ваш предшественник?

– Я думаю, что он уже в Москве. А почему он вас интересует?

– Во время нашей совместной работы я, честно говоря, его побаивался. – Вилли на мгновение задумался. Потом продолжил: – Мне не нравились его манеры, мне казалось, что он был немецким офицером. Бывало, сверкнет взглядом, настоящим взглядом прусского офицера, жестким, пронизывающим, налитым кайзеровским свинцом! Аж мороз шел по коже. Я серьезно опасался, что мы из-за него провалимся.

– Это вам показалось! Нормальный парень, может быть, нервничал немного, и это отражалось на его поведении, – Клесмет выгораживал товарища по работе, у которого, видимо, не сложились отношения с агентом. Такое в разведывательной практике часто бывает.

Леман решил переменить тему разговора, заметив, что она неприятна Клесмету.

– По поводу условий связи на случай опасности я могу сказать следующее, – заявил он, – если меня заподозрят, я это сразу почувствую и приму необходимые меры. Главное, чтобы у Эрнста не нашли моих записок! Это будут прямые улики. Если меня арестуют, я буду все отрицать!

– Согласен с вами, – сказал Клесмет. – Мы думаем сейчас над тем, как найти другую работу для Эрнста. Как только мы что-нибудь подыщем, вы не будете с ним встречаться. Между прочим, он сильно изменился после наших разговоров с ним. На встречу приходит ни жив, ни мертв, растерял весь свой гонор и самоуверенность. Ресторанные счета тоже уменьшились.

– Я тоже с ним очень серьезно разговаривал, – поддержал тему Вилли. – Посмотрим, надолго ли его хватит. Тут еще надо учитывать, что его вторая жена – активистка Междуна-

родного общества помощи рабочим – распространяет литературу и, кажется, состоит членом ячейки компартии в больнице, где работает, что тоже опасно для нас.

– Вот как? – удивился Клесмет. – Я этого не знал. Надо тоже помозговать. Пока у меня все, не хочу вас утомлять. Поправляйтесь, через несколько дней я вас навещу.

Клесмет поднялся, осторожно пожал Вилли руку и направился к выходу. У двери он обернулся:

– Флорентине...

– Я понимаю... – улыбнулся Леман, давая понять, что ничего подруге не скажет.

«Внимательный, – подумал Вилли, когда за Клесметом закрылась дверь. – Не такой, как его предшественник. Еще приятный сотрудник был из посольства, интересно, он в Берлине или уже уехал».

Беседа с куратором утомила Вилли, и он заснул. Проснулся, когда на улице уже стемнело и зажглись фонари. Флорентина сидела рядом у его постели и грустно о чем-то размышляла.

Как все женщины, она быстро навела порядок в квартире, постелила белую скатерть на небольшой журнальный столик и поставила на него посуду из прекрасного сервиза, который обнаружила в серванте. Погасив верхний свет, зажгла настольную лампу, и ее зеленый свет неярко освещал комнату.

Она сидела на стуле возле кровати и с нежностью смотрела на Вилли. В нем она видела свою единственную опору и защиту от всех угроз и напастей, и ей хотелось владеть им только одной, ни с кем не делиться.

Пока отсутствовала жена, она оставалась у Вилли и смотрела за ним. Чистила его костюмы, заботилась о белье и готовила, как хорошая и добропорядочная хозяйка. Окруженный постоянной заботой и вниманием, Леман порой забывал, что любит эту женщину совсем не так, как она этого хотела. Конечно, он испытывал к ней сердечную симпатию и расположение, но он прекрасно отдавал себе отчет, что о «самой большой любви» в его жизни уже не может быть и речи.

Флорентина подняла бокал с налитым красным вином и сделала маленький глоток. Увидев, что Вилли проснулся, она нежно ему улыбнулась.

– Тишина, – тихим голосом промолвила она. – Сиж и думаю: как хорошо чувствовать себя спокойной, находиться в безопасном месте под покровительством такого человека...

– Значит, ты довольна?

Флорентина отпила глоток вина и покачала головой.

– Довольна? Можно сказать, что довольна, когда я рядом с тобой. Но между нами всегда есть она... – И после небольшой паузы, тихо, как бы для себя, добавила: – Тем не менее мне кажется, что еще никогда я не была так счастлива и спокойна, как сейчас с тобой, мой дорогой!

Вилли улыбнулся, взял ее изящную маленькую белую руку в свою и нежно поцеловал. Потом лукаво посмотрел на нее и спросил:

– Неужели это правда?

– Да, правда, и ты это хорошо знаешь... – прошептала она и прижала его руку к своей щеке.

Вилли чувствовал, что она говорит правду, что она его любит и всецело отдается этому чувству. В его душе поднялась теплая волна. «А как же я, – подумал он, – смогу ли я когда-нибудь также ответить на ее чувства? Да, меня тянет к ней, молодой и цветущей. Но эта проклятая болезнь! Она забирает все силы!».

Все его симпатии принадлежали, безусловно, этой миловидной женщине с рыжеватыми кудрявыми волосами, которая восхищала его молодостью, непосредственной живостью и добрым характером.

А может, все это от того, что не сложились отношения с женой, Маргарет? Образ супруги с неясными, размытыми чертами появился перед ним. Конечно, девушкой она отдала ему все: честь, доброе имя, достоинство и приданое. У нее будет наследство после смерти родителей – гостиница с рестораном. При нынешней безработице это неплохое средство к существованию. Но она так и не стала для него ни любовницей, ни другом, заботливым товарищем. «А любил ли я ее тогда, в 1915 году, когда просил ее руки? Может, она привлекла меня состоянием своих родителей? Нет, тогда я еще о таких вещах не думал. Просто она мне понравилась, и я женился по холостяцкой привычке, особенно не раздумывая. А потом... потом началась совместная жизнь и все пошло кувырком. Не было детей – упреки, безработица, придирки... Домой не хотелось приходить, чтобы не видеть только эти недобрые глаза!».

Вилли, видимо, забылся и что-то сказал вслух, потому что Флорентина наклонилась над ним и положила руку ему на лоб.

– Температуры у тебя нет. Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

– Мне кажется, что гораздо лучше. Дай мне воды, пожалуйста.

– Вилли, а кто это приходил? – спросила она, протягивая ему кружку с водой.

Вилли не спеша напился, вернул кружку и после этого ответил:

– Да так, один мой старый приятель. Мы с ним когда-то вместе служили.

– Да, а мне показалось, что он гораздо моложе тебя.

– Конечно, моложе, ведь он был тогда юнгой.

– Хорошо, когда есть такие друзья, – заметила Флорентина. – Хоть кто-то о тебе позаботится, когда тебе плохо... Вилли, меня беспокоят нацисты, – чисто по-женски она неожиданно сменила тему разговора. – Чем все это может закончиться, как ты думаешь?

– Они упорно стремятся к власти, – он тяжело вздохнул. – Смотри, в сентябре 1930 года Геринг с сотней нацистов прошел в рейхстаг. Сейчас они активно готовятся к президентским выборам в апреле. Представляешь, Гитлер рвется к власти, но при этом даже не имеет немецкого гражданства! Неслыханная наглость!

– Как же его будут избирать в президенты? – удивилась Флорентина.

– Хитрец Геринг и тут нашел выход, – саркастически усмехнулся Вилли. – Гитлера назначили экономическим советником представительства Брауншвейга в Берлине, естественно через друзей Геринга. 24 февраля Гитлер получил назначение, 26 принес присягу, через несколько дней подаст в отставку и все. Вот так за неделю он станет немцем! Вот увидишь, к лету нацисты будут иметь больше всех мест в парламенте, а Геринг его возглавит и станет наконец важным вельможей. Это его заветная мечта! И никто их не остановит!

– Успокойся, мой дорогой, – целуя его в лоб, тихо прошептала Флорентина. – Тебе нельзя волноваться. Врач прописал хорошие лекарства. Скоро ты поправишься... и все наладится!

Он почувствовал, как ее рука стала нежно гладить его затылок, мягкие губы коснулись лба и приятный запах духов, исходящий от нее, стал его обволакивать. Он успокоился и скоро уснул.

Флорентина оказалась права. Через две недели здоровье Лемана улучшилось настолько, что он смог выйти на работу. Опухоль рассосалась бесследно.

К этому времени из командировки вернулся непосредственный начальник Лемана криминальсекретарь Шлаф, и Клесмет сообщил в Центр, что А/201 встретил шефа на рабочем месте.

Глава 5. Нацисты у власти

Утро было сырое, пасмурное. Всю ночь сыпал мелкий дождь, холодный, с ветром, и казалось, ему не будет конца.

Вилли вышел из дома пораньше. Очень хотелось выпить хорошего крепкого кофе. До работы еще оставалось время, он зашел в первое попавшееся по пути кафе.

Заняв столик в углу, попивая горячий кофе маленькими глотками, он рассеянно, больше по привычке стал рассматривать посетителей заведения, пока взгляд его не зацепился за одного из них, уткнувшегося в газету и ничего не замечающего вокруг. «Где я его видел? – размышлял Вилли, как вдруг его осенило: – Бог мой, да это же Моллис! Ну да, он. Как это я сразу его не узнал?».

Вилли вспомнил, как в 1925 году он арестовал Моллиса по анонимке соседей. Они заподозрили в нем польского шпиона. Как выяснилось в ходе расследования, Моллис на основе анализа берлинской прессы составлял отчеты для советника польского посольства, чем подрабатывал себе на жизнь. Он охотно согласился сотрудничать с полицией, регулярно представлял сведения о поляке, а однажды ухитрился принести для фотографирования портфель советника, набитый бумагами. К сожалению, ничего интересного в портфеле не обнаружили.

«Моллис талантливый журналист, долгое время жил в Петербурге, свободно владеет русским языком, – подумал Леман. – В компартии он, видимо, хорошо известен, у него много знакомых среди членов МОПРа, Лиги прав человека и даже в штабе партийной разведки на Беренштрассе. Но вот знают ли они, что Моллис работает на военную разведку Штютльп-нагеля, приятеля генерала Шлейхера¹⁴, и что у него главная задача – проникновение в компартию, я не уверен. Судя по тому, что он без прописки проживает у одного из руководителей коммунистов, наверняка не знают. Его легко можно прижать: он скрывается от жены с ребенком и не платит им алименты. Надо поговорить о Моллисе с русскими друзьями».

Между тем Моллис, увлеченный чтением газет, совершенно не обращал внимания на окружающих. Его верхняя губа с усиками а-ля Чаплин все время шевелилась. Еще раз бросив на него беглый взгляд и убедившись, что не обознался, Вилли кивнул кельнеру, оставил деньги на столике и вышел на улицу. Дождь постепенно сменился снегом; мягкие мокрые хлопья падали, белой пеленой покрывая тротуар и мостовую, и нехотя таяли.

Не успел Вилли раздеться и сесть за свой стол, как раздался телефонный звонок. Его пригласил к себе начальник отделения Абдт.

Вилли вошел, поздоровался и сел в предложенное кресло в углу, где Абдт предпочитал вести с ним доверительные беседы. Сегодня шеф с утра пребывал явно в возбужденном состоянии, о чем свидетельствовало его побагровевшее лицо. Стукнув кулаком по столу, отчего лежавшая на нем гора папок завалилась набок, Абдт выбежал на середину кабинета и воскликнул:

– Не нахожу слов, Вилли! Вчера вечером я был на совещании, которое проводил заместитель президента полицай-президиума советник Герке. На имя президента поступило анонимное письмо, в котором наше отделение обвиняется в саботаже! Мы, видите ли, совершенно не работаем против поляков, и польская разведка чувствует себя в Берлине как дома! – он замолчал и принялся шагать из угла в угол. Потом остановился и продолжил:

¹⁴ Шлейхер Курт фон (1882–1934), генерал, немецкий военный и политический деятель. В 1932 г. был военным министром, затем до января 1933 г. рейхсканцлером. Убит гитлеровцами 30 июня 1934 г.

– Во время вашего пребывания в отпуске в отделение из других подразделений отдела были переданы все дела по полякам. Для их ведения откомандировали ряд чиновников из внешней службы. Мы их всех приняли за исключением криминальсекретаря Лика.

По словам Абдта, он объяснил Герке и присутствующему на освещении начальнику отдела политической полиции Рудольфу Дильсу, что пятое отделение отдает работе по полякам все, что может. Две трети чиновников отделения вместе с прикомандированными занимаются только польскими делами. Назвал поименно, кто анализирует прессу, кто занят изучением деятельности польских общественных союзов и клубов.

– Но им этого мало! – воскликнул Абдт. – Дильс, эта бездарь, пьяница, бабник, взялся меня поучать, меня, опытного разведчика!

Абдт продолжал бегать по кабинету, размахивая руками.

– Он появился здесь при социал-демократе Зеверинге, выступил со лжесвидетельством, обвинив Зеверинга в связях с коммунистами, и таким образом получил должность начальника отдела. Раньше он лизал зад Папену и Шлейхеру, а теперь охаживает Геринга, разясняя ему, каким ценным источником сведений о противнике является политическая полиция! Геринг его ценит! Как же не ценить! Дильс носит ему компроматматериалы на его конкурентов, что позволяет Герингу укреплять свое положение в нацистской партии! Вот все его заслуги и умения!

Абдт выговорился и, кажется, начал успокаиваться. Он сел в кресло напротив Вилли, открыл портсигар, и они не спеша закурили. Оба были почти одного возраста, уже много чего повидали в этой жизни и, хотя субординация обязывала к сдержанности, они чувствовали взаимную симпатию и доверяли друг другу.

– Я полагаю, – после некоторой паузы продолжил Абдт, – что Дильс нашел и другие способы, чтобы обеспечить себе благорасположение Геринга. – Он глубоко затянулся сигаретой и выпустил струю дыма в потолок:

– Геринг любит выглядеть импозантно в рейхстаге и у себя в председательском дворце, разыгрывая перед публикой роль крупного вельможи. На самом деле он стеснен в средствах. А Дильс располагает хорошими связями на бирже. Пользуясь информацией, любезно предложенной Дильсом, Геринг успешно спекулирует и зарабатывает деньги.

Абдт опять замолчал. Наконец он окончательно успокоился.

– Однако, вернемся к полякам. В чем дело, почему у нас мало результатов? – он в упор смотрел на Лемана.

– Мне представляется, что мы расплетаем наши силы, – подумав, ответил Вилли. – У нас отсутствует систематизация материалов. Если бы все материалы и разработки мы могли бы сосредоточить в одних руках, результаты не заставили бы себя ждать. Мы бы смогли быстро раскрыть всю разведывательную сеть поляков в Берлине.

– Интересная мысль, – одобрительно кивнул Абдт, – но кому все это поручить? Шлаф у нас постоянно в командировках и комиссиях. Кстати, как прошла ваша командировка в Лейпциг?

– Я встретился с верховным прокурором по делу Буллерьена: шпионаж в пользу межсоюзной комиссии в Берлине на оружейных заводах в Виттенау, – доложил Леман. – Договорились, что мы соберем все доказательства к 3 ноября, ко дню пересмотра дела.

– Это хорошо, – удовлетворенно кивнул Абдт.

– Господин Абдт, а не смогли бы вы поручить польские дела криминал-секретарю Лику из внешней службы? – поинтересовался Вилли. Он задал этот вопрос специально, поскольку вспомнил, что его русский куратор интересовался этим чиновником.

– Ну что вы, о Лике не может быть и речи! – заявил Абдт. – Когда его хотели прикомандировать к нам, все чиновники нашего отделения в один голос заявили, что не хотят с ним

работать. У него несносный характер. Вообще, не мешает к нему присмотреться. Говорят, что он тратит денег больше, чем зарабатывает!

Подымая вопрос о Лике, Вилли не знал, что, по существу, выполняет задание по проверке еще одного агента советской разведки в полицей-президиуме Берлина, действующего под псевдонимом «Папаша». Интересно, что в 1939 году гестапо арестовало сотрудника Второго (разведывательного) отдела польского генерального штаба Сосновского. «Папаша» от службы наружного наблюдения ведал разработкой связей Сосновского и все материалы, касающиеся польского разведчика, аккуратно передавал в резидентуру. Это позволило в последующем завербовать отпущенного немцами поляка.

– Я думаю, что мне придется самому серьезно взяться за польские дела, – решил Абдт. – Если не возражаете, мы будем иногда подключать и вас, – улыбнулся Абдт.

– Я всегда к вашим услугам!

– Да, Вилли, как вы думаете, кто мог написать это анонимное письмо? Я читал его и, судя по его содержанию, оно написано человеком, знающим обстановку в нашем отделении.

Абдт остановился перед Леманом и снизу вверх внимательно смотрел ему в глаза.

– Я полагаю, господин Абдт, – заговорил Леман глубокомысленным тоном, – что кто-то из наших дал информацию, а писали нацисты с целью скомпрометировать Дильса. На его место сейчас многие метят, и не исключено, что таким способом его хотят убрать.

– А военная контрразведка может быть заинтересована? У вас есть там хорошие знакомые, с которыми можно обсудить эту проблему?

– Знакомые есть... но такого уровня... Впрочем, можно поговорить с Протце.

– Протце? Кто это? – заинтересовался Абдт.

– Рихард Протце служил палубным офицером на корвете «Штайн», где я юнгой начинал службу. В 1921 году он возглавлял разведотдел морской базы в Киле, создал в ряде городов агентурную сеть, которая наблюдала за политическими настроениями моряков и оберегала тайные склады оружия от лазутчиков союзных войск. Протце участвовал в создании подпольной организации «Консул», но вовремя из нее вышел, когда увидел, что молодые фанатики стали убивать своих политических противников. В начале этого года абвер¹⁵ возглавил капитан 2 ранга Конрад Патциг, он пригласил Протце к себе. В настоящее время Протце возглавляет абвер штелле¹⁶, «Домашняя капелла», которая занимается разведывательной работой по ряду стран. Побеседовать с Рихардом Протце я могу, если вы дадите на это согласие, – закончил доклад Леман.

Советская резидентура в Берлине уже давно проявляла интерес к Протце, а также к его секретарше «тете Лене», и теперь Леману представлялась хорошая возможность для развития контакта с Протце.

День незаметно приближался к полудню. Вилли вернулся к себе и занялся текущими делами. Разбирая бумаги, он вспомнил, что на последнюю встречу его куратор Карл пришел с незнакомым Леману коллегой по работе. Незнакомец оказался знающим дело специалистом. В течение двух часов они подробно обсудили польские дела и договорились, что необходимо предпринять, чтобы побудить немецкую полицию более решительно заняться агентурой польской разведки в Берлине. Вилли понял, что совещание, в котором принимал участие Абдт и его дальнейшие планы – все это следствие операции, проведенной его советскими друзьями.

Леман, конечно, не знал, что на встречу с ним вместе с нелегалом Клесметом приходил сотрудник легальной резидентуры «Костя», которого в Москве все знали как Карла Силли. Жизнь внесла свои коррективы в планы разведки. В 1931 году Мессинг ушел с поста началь-

¹⁵ Абвер (оборона) – германская военная разведка и контрразведка.

¹⁶ Абвершtile – отделение военной разведки и контрразведки.

ника ИНО, и на смену ему пришел Артузов, один из лучших учеников Феликса Дзержинского. По инициативе Артузова Силли выехал на работу в берлинскую резидентуру.

Резидент в Берлине Борис Берман неоднократно высказывал свое недовольство стилем руководства агентом А/201 со стороны нелегала Клесмета. По существу, в Москве перед Николаем Клесметом поставили только одну задачу – грамотно и эффективно наладить работу со связкой агентов А/70 и А/201. И если Клесмет в сравнении с Такке был более предпочтительным, поскольку сумел наладить с друзьями хорошие, человеческие отношения, то в профессиональном плане он явно не дорабатывал. Леман сразу почувствовал разницу, когда он стал обсуждать оперативные вопросы с Силли.

По существу, Берман привлек Силли, для того чтобы наглядно научить Клесмета, как надо работать с агентом такого уровня, как А/201. Перевод Зарубина из Парижа в Берлин задерживался, и, для того чтобы решить вопрос обучения неопытного нелегала, Берман принял нестандартное решение – привлечь опытного сотрудника легальной резидентуры Силли в качестве наставника нелегала Клесмета. Так на пару они встречались с агентом дважды, о чем в Центр был направлен подробный отчет. В ответ Артузов писал:

«Сов. секретно Берлин, тов. Артему.

Сообщения Кости, написанные в результате его свиданий с А/201, внесли ясность в ряд наших разработок и на деле доказали, что источник до сего времени использовался недостаточно.

О работе с А/201 Карлу говорилось в Москве. Вам нужно на него нажать как следует и заставить работать, это ведь его единственная задача, и, конечно, если он не сможет вести работу А/201 так, как это требуется, то мы вынуждены будем его заменить. Уже теперь надо подумать об этой замене и начать подыскивать соответствующего кандидата.

Мы хотим Вас предупредить, хотя это Вы сами хорошо знаете, о соблюдении максимальной осторожности при свиданиях Кости с А/201 и прибегать к этому только в исключительных случаях.

Отделение А/70 от А/201 мы приветствуем. Обдумайте, какое прикрытие Вы можете ему устроить, приняв во внимание, что организация детективного бюро как доходного предприятия сейчас неприемлема... Мы думаем, что более подходящей будет какая-либо мелкая торговля, а уже под этой маркой А/70 должен будет вести для нас установочную работу. И в настоящее время А/70 можно использовать путем получения от него сведений на многих проходящих по нашим делам лиц (Моллис, Новаковский, Рау, Протце и др.). Он ведь, как и А/201, может давать значительно больше, чем мы получали от них до сих пор.

Циркуляры учреждения А/201 для нас весьма ценные, но мы не получаем их уже месяцев 5–6. Организуйте бесперебойное получение этих материалов по мере их выхода...

С дружеским приветом. Артур».

– Новый оборот событий, когда правительство фон Папена¹⁷ этот закон отменило, поставило Дильса в затруднительное положение. Вовремя сообразив, что обстановка меняется и нацисты в ближайшее время могут стать хозяевами страны, Дильс быстро перестроился. Уже в августе, после избрания Геринга председателем рейхстага, Дильс стал усиленно его обхаживать, поставляя компрометирующую информацию на его политических противников. Практичный Геринг быстро забыл былые обиды и ухватился за оказанную помощь, по достоинству оценив возможности политической полиции в борьбе как с противниками, так и конкурентами.

¹⁷ Папен Франц фон (1879–1969), глава правительства Германии в июле – ноябре 1932 г. В 1933–1934 гг. вице-канцлер. Содействовал приходу нацистов к власти. Один из главных немецко-фашистских военных преступников.

И вот теперь приезд Геринга в полицей-президиум стал быстро обрастать различными слухами. Для начала Геринг провел совещание с начальниками отделов и, на удивление всем, держался корректно и заверял, что больших изменений в политической полиции не будет, просил не относиться враждебно к тем чиновникам, которые являются членами национал-социалистической партии.

Такое поведение министра внутренних дел не только не разрядило атмосферу беспокойства среди чиновников, но, напротив, породило новые слухи. Теперь все заговорили о том, что чиновники из числа социал-демократов будут уволены, что президентом полицей-президиума станет руководитель берлинских штурмовиков граф Геллендорф, инициатор еврейских погромов на Курфюрстендам в прошлом году. Чиновники из числа членов национал-социалистической партии стали демонстративно выходить на работу в коричневой форме.

– В тот же вечер на первом заседании кабинета министров битва против «внутреннего врага» стала единственным пунктом повестки дня. Геринг остановился на неотложной задаче: «Прежде всего мы должны начисто вымести нынешних руководителей департамента полиции!». Гитлер кивком головы выразил свое одобрение.

Наутро 22 из 32 руководителей германской полиции оказались без работы.

На том же заседании Геринг предложил превратить штурмовые отряды во вспомогательную полицейскую силу. Вопрос был согласован, и эта мера привела в министерство внутренних дел и местные органы полиции по стране лидеров штурмовиков.

Между тем Геринг не менее активно действовал в рейхстаге. По его инициативе были приняты законы о роспуске парламентов всех земель, за исключением парламента Пруссии. Вместо них назначались специальные представители рейхсканцлера – рейхсштатгальтеры. Им поручалось наблюдать за строгим исполнением законов на местах и распоряжениями Гитлера.

Закон от 7 апреля представлял также возможность увольнять с работы судей и чиновников, придерживающихся антинацистских взглядов, а также всех тех, кто когда-либо состоял в левых организациях. К ним относились и лица еврейской национальности...

В этой сложной, полной драматизма обстановке Вилли Леман, как всегда в точно назначенное время, прибыл на встречу с Клесметом.

В кафе, заполненном посетителями, было накурено, пахло сосисками и капустой. С трудом пробравшись к свободному столику, Вилли сел и сразу занял место для товарища. Не прошло и двух минут, как он услышал знакомое: «Добрый вечер, старина!». Подняв голову, он увидел присаживающегося на занятый стул «старого друга». Он излучал бодрость и энергию, хотя прекрасно видел, что Вилли явно не в себе.

– Ну, что нового? Как здоровье Маргарет? – задал он обычные в таких случаях вопросы.

– Не знаю даже, что сказать! Полный хаос! Все спасают отечество.

– Как на службе ведут себя чиновники? – спросил Клесмет.

– По-разному: одни радуются, другие затаились и ждут, что скоро выгонят. Члены Комитета чиновников подготовили на имя Геринга письмо с заверениями в своей преданности. Я предложил сначала ознакомить с этим письмом всех чиновников, а потом посылать его...

– Напрасно вы вмешались, – мягко перебил Лемана Клесмет. – Сейчас не нужно проявлять инициативу.

– Моя инициатива уже не имеет никакого значения, – возразил Вилли. – Уже всю идет компания по формированию нового Комитета из числа национал-социалистов. Никакие письма уже не помогут.

Далее он рассказал, что в прусском МВД идет «чистка», которой заправляет Дильс. В первую очередь избавились от Роберта Кемпфера – организатора полицейских мер против

СА и нелегальной нацистской деятельности. Но всех, кто не состоял в партии, на улицу не выбросишь, так? – спросил Вилли и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Тогда Геринг нашел, выход: создать новый секретный отдел «гехаймештаатсполицай», сокращенно гестапо – «тайная политическая полиция», разместить его отдельно от полицей-президиума и постепенно, по мере проверки, заполнять его чиновниками из старого политического отдела, а также подбирать новых из числа штурмовиков. Указ о создании гестапо уже подписан, начальником назначен Дильс. Аналогичные отделы будут создаваться во всех административных округах Пруссии.

Гестапо Берлина возглавит некий Фишер. Располагаться он будет на Александрплац, в доме Карла Либкнехта. Туда подбирают чиновников с опытом работы против коммунистов.

Леман замолчал и отхлебнул пива. Клесмет уже знал его привычку обдумать очередную мысль, поэтому терпеливо ждал.

– Арест Тельмана – это их рук дело, – продолжил Вилли. – Вообще, к арестам сейчас привлекли всех полицейских... В моторизованные части при гестапо влили целую группу белых эмигрантов из России. Надеются, что эти русские покажут свою преданность в борьбе с коммунистами. Их фамилии я сообщу позже. Вот список лиц, подлежащих аресту в ближайшее время, – он протянул под столом два листа бумаги, исписанных мелким почерком.

– Что слышно о Тельмане?

– Тельман жив, здоров, содержится в тюрьме Моабит. Я видел его издали, когда мы водворяли в камеры группу Шеера. Если вновь попаду в тюрьму, постараюсь собрать побольше сведений.

– Что происходит в городе? – спросил Клесмет.

– Штурмовики распустились, бесчинствуют, убивают людей. Карательные отряды создаются стихийно, и каждый из них стремится урвать как можно больше. В первых рядах штурмовиков выступают «старые бойцы», которых мы раньше ловили и сажали в тюрьмы.

Перед глазами Вилли возникли события сегодняшнего дня. Пытаясь хоть как-то упорядочить действия штурмовиков, Дильс собрал группу из чиновников полиции, в которую попал и Леман, и направился с ним инспектировать их логовища. Первой оказалась пещера пыток на четвертом этаже дома НСДАП. Картина ужасная... Полы в комнатах устланы соломой. Обнаруженные жертвы умирали от истощения. Много дней подряд они провели в узких шкафах, где у них выбивали признания. Дюжина головорезов через каждые несколько часов их избивала резиновыми жгутами и железными палками. У всех были выбиты зубы и переломаны кости. Когда полицейские вошли, эти живые скелеты лежали рядами на гнилой соломе. Не нашлось ни одного человека, на теле которого не было бы синих, желтых и зеленых полос от жесточайших избиений. У многих совершенно заплыли глаза, под носом были кровавые струпья. Не слышно было ни стонов, ни жалоб – все безмолвно ждало смерти или новых мучений.

На Кантштрассе отряд СА мучил и христиан, и евреев. Жертвы, у которых были деньги, откупались и ускользали. Те искалеченные, кто выходил на волю, не осмеливались произнести ни слова.

Самым неприступным логовом оказался «Колумбия-хауз». Там хозяйничали эсэсовцы, а начальником был некий Тойфль – садист такой, что его побаивались даже свои подчиненные.

Дело не ограничивалось подобными «дикими концлагерями». Время от времени штурмовики устраивали уличные побоища, как, например, резня коммунистов в рабочем пригороде Берлина Кеппенинге. Там коммунистов и социал-демократов заставляли пить серную кислоту, одну из жертв поджарили на открытом огне, других зверски избивали плетью.

Едва группа вернулась с обхода, как наткнулась на пьяного Карла Эрнста со штурмовиками в коридоре полицей-президиума. Эрнст во всю глотку орал на Артура Небе, начальника отдела. Небе робко пытался его успокоить.

– Я вас выпорю, как собаку, – закричал в ответ Эрнст, – Я знаю все ваши уловки. Подлец, от злости вы аж пожелтели!

Увидев Дильса, Эрнст кинулся к нему:

– Пусть этот хитрец жалуется на меня идиоту Далюге, шефу прусской полиции. Ведь Далюге покровительствует ему, не так ли?

– В чем дело, Брюгге? – обратился Дильс к чиновнику, спрятавшемуся за спины товарищей и имевшему весьма потрепанный вид.

Оказалось, что Эрнст со своими молодчиками проник в здание полиции и избил Брюгге, который осмелился задержать одного из штурмовиков Эрнста за шантаж.

– Как он посмел! – ревел Эрнст. – Свинья! Арестовать старого борца!

– Ну хорошо, Эрнст, успокойтесь. Будем считать, что это недоразумение, – сказал Дильс. – Успокойтесь, стоит ли расстраиваться из-за таких пустяков!

– Ладно, – заявил Эрнст. – У вас виски есть?

И со всей свитой он повалил в кабинет Дильса. Туда пошли любопытные чиновники, хотелось узнать, чем все это закончится.

– Вот так, мой дорогой Эрнст, – с улыбкой заявил Дильс, наливая ему в стакан виски. – Я застал вас на месте преступления. Вы избили и пытались запугать представителя государства. Это недопустимо!

– Ха-ха-ха! Государственная власть! – начал заводится Эрнст. – Государственная власть – это мы! Да я тебя сейчас убью, скотина! – взбеленился он и потянулся рукой к кобуре за пистолетом. Друзья схватили его под мышки и потащили из кабинета.

– Знай! Пуля для тебя отлита! – кричал он, пытаясь вырваться из объятий друзей.

О случившемся Дильс доложил Герингу. Видя, что дело принимает дурной оборот и штурмовики выходят из-под контроля, Геринг для начала поручил Дильсу ликвидировать созданные ими концлагеря...

– В полиции, – рассказывал Леман, – полный беспорядок. Отделы превратились в разбойничьи притоны. Его шеф Абдт передвигается по зданию с большой осторожностью, пользуется только черным ходом, двигаясь по лестнице, всегда держит наготове револьвер со взведенным курком. Недавно он очень ругал Лемана за то, что он ходит по лестнице, держась за перила. Так, мол, меня хорошо видно сверху. «Я вам приказываю красться вдоль стены, – шумел он, – осторожно минуя простреливаемые участки, лестницы». Поскольку в полиции взяли моду арестовывать друг друга прямо в здании полицей-президиума, Абдт заготовил ордер на собственный арест. Если его остановят, чтобы арестовать, он сунет им ордер и заявит, что давно арестован. Заминка на две-три минуты гарантирована, а за это время, считает он, можно выхватить оружие и скрыться за углом коридора. Пусть тогда достанут... Учитывая все это, – закончил Леман, – у меня есть личная просьба.

– Пожалуйста, Вилли, – насторожился Клесмет.

– Я хочу, чтобы вы знали. Я не боюсь работать и не отказываюсь от связи с вами, несмотря на такую обстановку в Берлине. Вы знаете, когда была возможность, мы с Эрнстом выносили много документов и многих людей предупреждали об арестах. Но сейчас, как никогда, наша работа должна быть четкой и осторожной. Если на меня падет хоть малейшее подозрение – мне грозит смерть на месте!

Леман замолчал, собираясь с мыслями.

– Так-так, Вилли, я вас слушаю, – подбодрил его Клесмет.

– Так вот, я хочу вам сказать: я боюсь сейчас встречаться с Эрнстом и тем более что-то ему передавать. Сейчас нужно работать без посредника, напрямую. И мне кажется, что в данный момент самое время перевести Эрнста на другую работу!

Леман замолчал, ожидая, что скажет по этому поводу Клесмет.

– Я полагаю, что вы совершенно правы, – сказал тот. – Давайте решим так: пока мы не определимся с Эрнстом, вы не будете брать на работе никаких документов и встречаться с Эрнстом. Главное для вас сейчас – следить за обстановкой вокруг себя!

– Понятно, – кивнул головой Вилли, – но есть еще один небольшой вопрос.

– Говорите, я слушаю.

– Мои коллеги на работе пристают ко мне, чтобы я вступил в националистический союз полицейских чиновников. Я сказал, что подумаю. Как считаете, стоит вступить?

– Конечно, надо вступить. Только не стоит проявлять никакой демагогической активности, чтобы не вызвать к себе скрытого враждебного отношения сослуживцев.

– Понятно, – впервые за этот вечер улыбнулся Вилли. – А вообще, если меня уволят, я могу оказывать вам помощь в другом месте – на границе с Польшей. Моя теща владеет гостиницей в Швибуте. Это небольшой городок и крупная железнодорожная станция. По завещанию теща отписала гостиницу на жену. Там тоже будет хорошее место для разведывательной работы.

Пора было прощаться. В последний момент Клесмету пришла в голову мысль.

– Послушайте, Вилли, – сказал он. – Ведь вы были, если мне не изменяет память, когда-то членом «Союза африканцев»? Республиканские власти считали этот союз реакционным? Так? Расскажите при случае об этом нацистам. Такие мелочи сейчас имеют решающее значение.

И они пожали друг другу руки.

Позже в своем отчете в Центр, Клесмет писал:

«Провел совместную беседу с А/70 и А/201 по поводу отделения первого от второго. А/70 согласен начать новую работу по отдельным заданиям. Он догадывается, что его отделение связано не с желанием его лучше использовать, а со стремлением А/201 от него избавиться. Открыто об этом он не говорит и занимает пока выжидательную позицию. Руководить им необходимо с учетом его слабости – склонности к выпивке. Как сотрудник он, безусловно, опытный и знающий.

Учитывая опасения провала со стороны А/201 и его угнетенное состояние в связи с общей обстановкой в стране и по месту работы, я постарался успокоить обоих источников, прежде всего путем детального обсуждения вопросов безопасности их работы и повседневной жизни. Со встречи они ушли более уверенными.

Мне представляется возможным использовать для А/70 прикрытие – неофициальный компаньон в маленьком кафе. Подходящая кандидатура компаньона подобрана. Стоить это будет 300–400 марок. Деньги небольшие. Сообщите ваше мнение.

Карл».

Вилли остановил свой выбор на небольшой сумке из крокодиловой кожи с замком из топаза. Это было как раз то, что должно было понравиться Маргарет. Подарок предназначался ко дню рождения.

Пока приказчик заворачивал коробку с сумочкой, Вилли докурил сигарету. Курить на улице было невозможно, моросил мелкий холодный дождь.

Выйдя из магазина, Вилли в нерешительности остановился: может, воспользоваться близостью «Кемпинского»¹⁸ и зайти перекусить? Посмотрел на часы: до встречи с советским куратором еще оставался целый час.

Он шел, осторожно обходя прохожих. Мысли его были далеко. Все чаще и чаще помимо собственной воли он возвращался теперь к тому, что осталось позади. Меньше всего хотелось думать о настоящем и почти страшно было думать о том, что ждало его впереди...

Если бы швейцар у подъезда ресторана не узнал старого клиента и не распахнул дверь, Вилли в рассеянности прошел бы мимо.

– Давненько не изволили заглядывать к нам, господин Леман!

– Много народу? – осведомился по привычке Вилли.

– Нет, вечернее время еще не наступило.

Действительно, просторный зал был почти пуст. Вилли направился в угол, где обычно любил садиться в прежние времена. Когда он проходил мимо возвышения, образующего нечто вроде ложи, оттуда раздался возглас:

– Леман! Ты ли это?

Вилли оглянулся и увидел поднятую руку. Его приветствовал невысокий плотный человек с ничем не примечательными чертами лица и тщательно расчесанными на пробор черными волосами. Хотя он не носил военной формы, но по манере держаться можно было признать бывшего офицера. Несмотря на полумрак, царивший в ложе, Вилли сразу узнал Новаковского, своего давнего знакомого. Но ему понадобилось подойти вплотную к ложе, чтобы определить: один из собутыльников, тучный тип с заплывшим красным лицом со шрамом у правой скулы, не кто иной, как предводитель штурмовых отрядов Эрнст Рем¹⁹. Третий был Вилли незнаком, хотя ему показалось, что он его уже где-то видел. Прежде чем Леман решил, стоит ли ему накануне встречи связываться с этой компанией, как Новаковский подхватил его под локоть и сильно потянул за барьер ложи.

– Ну вот, – весело воскликнул Новаковский, – я недавно только вспоминал, что давно тебя не видел и ничего не слышал о тебе!

– Да, да, – подтвердил Рем, – Новаковский утверждал, что вы из тех, кого не хватает нашему движению. Сейчас так мало осталось надежных людей, на которых можно положиться. – Он спохватился и указал на своего молчаливого соседа: – Вы знакомы?

Навстречу Вилли поднялся сутулый человек с худощавым лицом, маленькими, глубоко сидящими, хитрыми глазками и большими, плоскими, прижатыми к черепу ушами.

– Мой друг Эдмунд Хайнес! – представил его Рем. Вилли и Хайнес пожали друг другу руки: «Вот почему он мне показался знакомым, – подумал Вилли. – Руководитель штурмовиков Силезии, член секретной организации «Феме», тайный убийца, в прошлом проходил по ориентировкам полиции».

Хайнес, видимо, догадался, что Вилли его узнал. Его глазки сощурились еще больше.

– Как поживает ваш друг Эрнст? – вежливо спросил он.

– Не знаю, давно его не встречал.

– Зато я его видел недавно в «Захи». Передает тебе, Вилли, привет, – сказал Новаковский.

Вилли опустил на подставленный кельнером стул. «Интересная компания, ничего не скажешь! Новаковский, кажется, был на фронте вместе с Ремом. Фронтовые друзья. Он и Гитлера должен знать», – подумал Вилли.

– За приятную встречу, – Рем поднял бокал и сделал глоток.

¹⁸ Ресторан «Кемпински» – один из старинных солидных заведений в Берлине.

¹⁹ Рем Эрнст (1884–1934) – имперский министр в фашистской Германии, начальник штаба штурмовых отрядов (СА). Стремился превратить их в костяк армии, подчинить себе генералитет. Расстрелян без следствия и суда по приказу Гитлера.

Потом всем своим грузным телом он повернулся к соседнему столу, где, наклонившись над телефонным аппаратом и прикрыв рукою рот, чтобы разговор не был слышен, сидел четвертый из их компании. Вилли не было видно его лица; он заметил только широкую спину, туго обтянутую коричневым сукном и прорезанную наискось ремнем портупеи.

– Довольно болтать, Карл! – крикнул Рем. – Ни за что не поверю, что ты способен уделять столько внимания делам!

Он взял из вазы апельсин и бросил его в спину сидящего у телефона. Тот наконец положил трубку и подошел к столу. Вилли сразу его узнал: Карл Эрнст, группенфюрер СА, молодой, самоуверенный и на этот раз совершенно трезвый. Эрнст молча взял бокал и отпил несколько глотков. Потом поставил его на стол. Движения его были четкие и быстрые. Он не произносил ни слова, и, даже когда Новаковский представил ему Вилли, он только лишь молча кивнул.

– Мой друг, Карл Эрнст, – сказал Рем с улыбкой, глядя на своего любимца. – Наверное, слышали?

– Еще бы! – в тон ему ответил Вилли. – Кто в полиции не знает командира бранденбургских штурмовиков!

Вилли опасался, как бы его глаза не выдали того, что он думает о Карле Эрнсте и его собутыльниках, и потому опустил взгляд. Новаковский подумал, что Вилли смущен пребыванием в такой компании.

– Ты все тот же, – улыбнулся он. – По-прежнему подозреваемые, шпионы. Да? Знаете ли вы, господа, что из таких людей, как Леман, Геринг создает новую организацию – тайную политическую полицию?

– Не произноси при мне этого имени! – проворчал Рем.

– Между вами пробежала черная кошка?

– Между нами стоит нечто более страшное, – произнес Рем. – Нам двоим нет места в этом мире!

Вилли понял, что Рем был здорово пьян. Сверкая злыми глазами, он стукнул кулаком по столу.

– Скоро, очень скоро мы покажем фюреру, чего стоит этот его дружок!

– Перестань, – сказал Хайнес, но Рем не обратил на него никакого внимания. Его понесло.

– Есть только один путь к спасению – превращение моих молодцов в постоянную армию. Я не собираюсь становиться картонным плясуном в руках толстого Германа! – на пылающем лице Рема все ярче выступали шрамы. – Гитлер стал презирать своих старых товарищей. Еще бы! Он прекрасно знает, чего я хочу. Дайте нам только новую армию, с новыми генералами! Да, именно так, с новыми генералами! Верно я говорю, Эдмунд?

Хайнес молча кивнул.

А Рем, прихлебнув из бокала, продолжал:

– Все, что Адольф знает о войне, он получил от меня. Сам он штатский болтун. Настоящий австрияк, черт бы его побрал! Ему нравится торчать на троне и править со своей «священной горы». А мы что, должны сидеть сложа лапы?

Хайнес положил руку на плечо Рема:

– Замолчишь ты наконец?!

Но тот не унимался:

– Честное слово, мертвый Адольф принес бы нашему делу больше пользы, чем живой... Как Хорст Вессель²⁰, точно!

²⁰ Вессель Хорст, штурмовик, убитый в уличной стычке с коммунистами. Гитлеровская пропаганда превратила его в своего рода фашистского святого великомученика. Песня о нем стала гимном нацистской партии.

– Если ты не замолчишь, я отправлю тебя спать, понял? – прошипел Хайнес.

Рем запустил пятерню в вазу со льдом, где лежали гроздья винограда, и сжал их так, что брызги разлетелись по всему столу.

Вилли понял, что нужно уходить, пока пьяный Рем не затеял какой-нибудь скандал. Он поднялся:

– Кажется, мне пора. Спасибо за компанию!

Рем вскинул на него воспаленные глаза:

– Тебе есть куда спешить! А я должен чего-то ждать, потому что старые куклы из рейхсвера считают ниже своего достоинства подавать мне руку!

– У тебя большое самолюбие, – отводя глаза, пробормотал Карл Эрнст.

– ...При поступлении моих ребят в рейхсвер им даже не засчитывают заработанные у меня нашивки. Как будто не штурмовики сделали Адольфа тем, что он есть! А теперь, видите ли, нашлись моралисты, нашептавшие ему: «Рему пора укоротить руки».

– Какое тебе дело до их морали? – спросил Карл Эрнст.

Рем молча оглядел собеседников и, несмотря на опьянение, уверенно, не пролив ни капли, снова наполнил бокалы.

– Когда люди начинают лопотать о морали, – проговорил он, – это означает, что им ничего более остроумного не приходит в голову. Я горжусь, что в моих казармах пахнет не потом, а кровью. Ты знаешь, что они придумали? Распустить моих молодцов в годовой отпуск? Если враги тешат себя мыслью, что штурмовики вовсе не вернутся из отпуска, то мы заставим их разочароваться! Это вы все скоро увидите! – и он уставился мутными глазами на Новаковского.

– Новаковский, иди служить ко мне! Не пожалеешь! – хрип, похожий на рыдание, вырвался из его груди. – Если бы ты знал, как мне нужны надежные люди!

При этих словах у него потекли по липу пьяные слезы. И, словно это послужило сигналом, за его стулом мгновенно выросла фигура штурмовика. Он подхватил Рема под руки и, напрягая силы, чтобы удержать равновесие, повел его из ресторана.

За ними вышел и Вилли: времени оставалось в обрез. Сунув попку под мышку, он поднял воротник плаща и двинулся к условленному месту, где его должен был взять в автомашину Клесмет. Поравнявшись с нею, Вилли быстро сел на заднее сиденье и поздоровался с Клесметом. Тот ответил и, с удивлением взглянув на Лемана, спросил: – У вас взволнованный вид. Что случилось?

Вилли постарался успокоить куратора, но Клесмет настаивал:

– Да, да, я же вижу. Вас что-то взволновало!

– Право же, Карл, – с некоторым смущением пробормотал Вилли, – это вам так показалось. Впрочем, думаю, что вы сейчас очень удивитесь.

– Чему же?

– Я только что был в компании Эрнста Рема и его дружков.

– Ого! – отреагировал удивленный Клесмет. – Как это вам удалось?

– Я потом расскажу. Давайте сначала обсудим наши дела.

Некоторое время они ехали молча. Клесмет посмотрел на часы и сказал:

– Вам будет интересно послушать одну радиопередачу.

– Что-нибудь особенное? – спросил Вилли без большого интереса.

– Новости из Москвы.

– Если вам интересно... Я ведь не знаю языка.

– Мы услышим на немецком.

Клесмет включил приемник. Сквозь гудение слышался шорох и плеск, словно волны прибоя ворошили крупную гальку на берегу моря. Никак не удавалось поймать волну.

– Ладно, в другой раз, – сказал Клесмет. – Вилли, из Центра просили передать вам благодарность за информацию об агентуре абвера среди белых эмигрантов. Москва также заинтересована в том, чтобы вы продолжали укреплять отношения с обер-лейтенантом Проче из абвера.

– Понятно, – кивнул Вилли.

– Накануне я встречался с Куром, – продолжил Клесмет.

– Ну что, он нашел работу, устроился?

– Дело как будто решается. Так вот, Кур рассказал мне, что он виделся с Новаковским и узнал от него, что Моллис видел вас в ресторане «Захи» с каким-то незнакомым человеком. Кур, конечно, догадался, что Моллис видел нас, но сделал вид, что ничего не понимает. Даже спросил, не встречаюсь ли я с вами, а то, мол, над Леманом нависла опасность. Ведь Новаковский и Моллис работают на абвер. Что за этим скрывается? Не перевербовали ли Кура? Как вы думаете?

– Я думаю, что вы напрасно беспокоитесь, – ответил Леман, внимательно выслушав куратора. – Вокруг меня все спокойно, я постоянно проверяюсь.

– Тогда чем вызван интерес Кура к нашим встречам?

– Я полагаю, что Эрнст преувеличивает эту историю. По-моему, он опять хочет стать посредником между нами. То, что он случайно встретил Новаковского, – это блеф чистой воды. Он прекрасно знает, что Новаковский регулярно посещает кабачок на Миттельштрассе, специально пошел туда, чтобы его встретить и при случае спросить обо мне. Новаковский ему, видимо, рассказал, что Моллис видел меня в «Захи» с незнакомым человеком. Вот и все.

– Возможно, вы правы, – согласился Клесмет. – Подобная мысль появилась и у меня, когда Кур сказал, что я сделал ошибку, исключив его как посредника из работы с вами. Я ему ответил, что хуже было бы, если бы Моллис увидел Лемана с ним.

– Вы понимаете, – взволнованно начал объяснять Леман, – для того чтобы по-настоящему вывести Кура из нашей связки, надо подобрать ему такую работу, чтобы он был действительно занят и не думал, что от него хотят избавиться. Если он не занят, то может ухватиться за историю с Моллисом, чтобы нас испугать. Тогда вы бы уехали, а он опять бы начал работать со мной.

– Я тоже придерживаюсь такого же мнения и говорил об этом руководству, – согласился Клесмет.

Куратор, конечно, не мог рассказать своему агенту, что это незначительное на первый взгляд событие вызвало большое беспокойство у руководства резидентурой. Резидент, указывая на неосторожность и неосмотрительность Клесмета, заявил, что из-за его нечеткой работы могла возникнуть угроза провала особо ценного агента.

– Кстати, – заметил Вилли, – час назад я виделся с Новаковским, но он мне о Моллисе ничего не говорил. Видимо, Эрнст специально раздувает это дело.

– Возможно, возможно, – задумчиво проговорил Клесмет.

Наконец он выбрал подходящее место и остановил машину.

– Где вы встретились с Новаковским? – спросил он.

Вилли подробно сообщил о своей встрече в ресторане с компанией Новаковского – Ремом, Хайнесом, Эрнстом, – а также о пьяных разглагольствованиях Рема.

– Что у вас нового на службе? – спросил Клесмет.

Леман рассказал, что гестапо обосновалось в комплексе зданий на Принц-Альбрехт-штрассе, восемь. Но там работать пока невозможно. Помещение не приспособлено, там сыро, холодно. Не хватает телефонных номеров. Дела свалили в кучу по кабинетам. Среди чиновников много простуженных, работа стоит. Чтобы позвонить по телефону, иногда приходится бегать в полицай-президиум. Столько было разговоров о создании гестапо.

Толковали о пополнении новой службы квалифицированными чиновниками – где все это? Наоборот, каждый день, то один, то другой чиновник куда-то откомандировывается, а на замену им никто не приходит. Лемана тоже хотели послать в командировку за границу, но он отказался, сославшись на болезнь.

Леман замолчал, ожидая, что скажет по этому поводу Клесмет, но тот лишь внимательно слушал. Тогда Вилли продолжил, отметив, что со всех концов страны в гестапо приходят письма, доносы, обращаются организации, а управление работать не в состоянии. Общее мнение таково, что с созданием тайной политической полиции по примеру ЧК в России и с переездом в новое здание была совершена ошибка. Если в ближайшее время не произойдет коренных изменений, гестапо не сможет вести серьезной работы.

– Подождите, Вилли, не торопитесь с выводами, – опять улыбнулся Клесмет, – новое дело всегда трудно начинается. Давайте немного подождем. И прошу вас подобных мыслей на работе коллегам не высказывать. Сейчас лучше больше слушать, чем говорить!

– Да нет, это я с вами, как говорится, отвел душу. Да, кстати, в подтверждение моих предположений по поводу Эрнста, – вспомнил Вилли, – После переезда в новое здание я предложил коллегам пойти в пивную и «смыть пыль». Подобралась компания, в том числе Геллер и Хиппе, который сидит со мной в одном кабинете. Пили мы за счет расходов на переезд.

Когда все изрядно подпили, я разговорился с Хиппе, зная, что он в состоянии опьянения становится болтливым. Из разговора с ним у меня сложилось впечатление, что Хиппе ко мне относится хорошо и даже откровенничает. Он передал мне привет от Новаковского, отметил, что тот жаловался, что давно меня не видит. Я сказал, что с удовольствием бы с ним повидался, но сейчас очень занят. А потом заметил, что недавно видел мельком Новаковского и Моллиса в ресторане «Захи», но поговорить обстоятельно не мог. Хиппе никак на это не реагировал и я думаю, что он ничего не знает.

– Что же, может быть, вы и правы, – сказал Клесмет, – но на всякий случай будьте все-таки осторожнее.

Договорились, что Леман продолжит внимательно наблюдать за развитием событий и при появлении признаков опасности срочно свяжется с Клесметом.

На том Клесмет и Вилли расстались.

«Иностранный отдел

3 отделение

Сов. секретно.

группа X – Генрих от 19 июня 1933 года Москва, тов. Алексею.

В положении А/201-го за истекшие десять дней никаких перемен не замечено. Он считает, что его никто ни в чем не подозревает и что положение его в учреждении крепко. Он даже ожидает повышение по службе. Будет ли это связано с переводом в другое место или же он останется в прежнем учреждении, трудно пока сказать. Его знакомые национал-социалисты и доверенное лицо национал-социалистической партии в его учреждении ему несколько раз намекали, что он вскоре “кем-то будет”. Несмотря на то что в партию он еще официально не принят, в кругах национал-социалистов его знают и хорошего о нем мнения. Это хорошее о нем мнение объясняю тем, что с 1919 года А/201-й порвал с социал-демократами, за последние тринадцать лет не примыкал ни к одной партии левого толка, а в 1928 году вместе с А/70 и с осени 1932 года сам заигрывал с национал-социалистами.

Карл».

Глава 6. Брайтенбах укрепляет авторитет в гестапо

Совещание в Кремле было назначено на полночь.

Поскребышев, помощник Сталина, невысокий, коренастый, тихим бесстрастным голосом приветствовал каждого вошедшего, пожимал ему руку и делал пометку красным карандашом в списке приглашенных. Когда все собрались, Поскребышев в точно назначенное время пригласил их в кабинет Сталина и затем бесшумно закрыл за ними дверь.

При появлении в кабинете первых участников совещания Сталин поднялся из-за своего стола в глубине кабинета, вышел на середину и, пожав по очереди всем руки, жестом пригласил рассаживаться за длинным столом, покрытым зеленым сукном. Участники совещания рассаживались, настороженные, не представляя, зачем их собрали, и не ожидая от этого вызова для себя ничего хорошего.

Сталин в сероватом полувоенном френче, в брюках, заправленных в шевровые кавказские сапожки, заложив руки за спину и, неслышно ступая по красной ковровой дорожке, стал медленно расхаживать по кабинету.

Пока он удалялся в другой конец кабинета, где помещался заваленный бумагами, книгами и папками письменный стол с несколькими телефонными аппаратами на приставной этажерке, сидевшие за столом провожали взглядами его чуть сутулую спину и седоватый наклоненный затылок. Когда же достигнув там, в глубине кабинета, стены, обшитой в рост человека панелью из светлого дуба, он поворачивался и не торопясь возвращался, они смотрели ему в лицо. Но глаз Сталина видно не было: расхаживая в раздумье, он не поднимал головы.

Ни разу не взглянув на сидевших, он не сомневался, что они не спускают с него глаз, как не сомневался и в том, что они с нетерпением и опаской, если даже не со страхом, ожидают, когда он заговорит.

– Скоро будет девять месяцев, как к власти в Германии пришел Гитлер, – неожиданно остановившись посреди кабинета, глуховатым голосом с выраженным кавказским акцентом заговорил Сталин.

При этом он поднял голову и обвел взглядом собравшихся.

– Нетрудно представить себе его ближайшие планы, – продолжил Сталин. – Он их, собственно никогда, и не скрывал. Агрессия на Востоке – вот главная его цель. Но, чтобы напасть на нас, у Гитлера пока коротки руки. Ему мешает Польша, которая в последнее время буквально мечется между Германией и СССР. Правда, недавно наш посол в Варшаве Антонов-Овсеенко сообщил, что поляки якобы собираются сменить гнев на милость и попытаются сблизиться с нами. Это было бы разумным шагом с их стороны, – заметил вождь, – но так ли это на самом деле? И можно ли вообще верить такого рода сообщениям?

Он замолчал, и в кабинете воцарилась напряженная тишина. Первым паузу нарушил импульсивный Радек²¹.

– Я думаю, что посол в Варшаве совершенно прав. По логике, полякам деваться некуда: германский орел с острыми, как ножи, когтями куда более страшен для Варшавы, чем русский, привычный для них медведь. Поэтому они и ищут сближения с нами, рассчитывая на нашу поддержку в случае гитлеровской агрессии...

²¹ Радек (настоящая фамилия Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939), деятель международного социал-демократического движения, партийный публицист. После Октябрьской революции в Советской России. Был секретарь Исполкома Коминтерна, сотрудничал с «Правдой» и «Известиями». Эксперт по международным вопросам. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Судя по оживленным голосам присутствующих, точку зрения Радека поддерживало большинство участников совещания. Лишь один из них, среднего роста, широкоплечий, с бородкой и подстриженными усами, не разделял общего оживления. Он сосредоточенно смотрел в стол перед собой, словно что-то надеялся там увидеть.

Заложив руки за спину, Сталин уже шел назад по кабинету. Не доходя несколько шагов до того места, где за длинным столом с краю сидел невозмутимый участник совещания, он остановился и спросил:

– А что думает по этому поводу разведка? Товарищ Артузов²²?

Начальник Иностранного отдела ОГПУ – это он хранил молчание – поднял крупную с проседью голову и, глядя прямо в немигающие глаза вождя, не торопясь, тщательно подбирая слова, ответил:

– У нас, товарищ Сталин, несколько иная информация. Наши источники сообщают, что поляки ведут нечестную игру. Они только делают вид, что собираются сблизиться с нами. На самом деле Польша зондирует почву для соглашений с Гитлером, рассчитывая на его снисходительность.

Сталин никак не реагировал. Он оказался в противоположном конце кабинета, и все провожали взглядами неширокую спину и седоватый затылок вождя. У самой панели он повернулся и, в молчании возвратясь к тому месту, где сидел Артузов, остановился и спросил:

– Ну а ваши источники, или как вы их там называете, не дезинформируют вас?

При этом он пронзительным взглядом небольших, цепких, с желтоватыми белками глаз впился прямо в зрачки начальника разведки.

– Товарищ Сталин, – Артузов поднялся со своего места, и видно было, что он взволнован, – заверяю вас, партию и правительство, что разведка приложит все силы, чтобы распознать дезинформацию и впредь сообщать руководству страны только проверенные и точные сведения!

Сталин ничего не ответил, лишь усмехнулся в усы.

Совещание так и не пришло к конкретному решению. Очевидно, вождь стремился «обозначить проблему» и побудить представителей всех внешнеполитических ведомств обратить повышенное внимание на польский вопрос.

Когда совещание закончилось, участников пригласили в соседний зал, где для них был накрыт стол. Сталин попросил Артузова задержаться. В кабинете остались также Молотов, Ворошилов и заместитель начальника ОГПУ Ягода²³.

– Мы вот здесь познакомились с вашей запиской, – сказал Сталин, подойдя к стоявшему посреди кабинета Артузову вплотную, – и ваше мнение считаем заслуживающим внимания, а вас по совместительству хотим назначить заместителем начальника разведуправления РККА. Как вы думаете, товарищ Молотов? – повернулся он к молчаливому соратнику, остававшемуся на своем месте за большим столом.

– Согласен, – лаконично ответил Молотов.

– Я тоже, – поспешил присоединиться Ворошилов.

Сталин достал трубку, подошел к своему столу, набил ее табаком и раскурил. Мнение Ягоды, положительное, конечно, он уже знал. Поэтому вождь вернулся к Артузову.

²² Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891–1937). С 1919 г. служил в органах госбезопасности. Был заместителем начальника особого отдела ВЧК, начальник контрразведывательного отдела ГПУ, помощник начальника секретно-оперативного управления ОГПУ. С 1931 по 1935 г. возглавлял внешнюю разведку. Одновременно с 1934 г. был заместителем начальника военной разведки. В 1935 г. возглавил Разведуправление РККА (воинское звание – корпусной комиссар). В 1937 г. необоснованно репрессирован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

²³ Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938). С 1920 г. член президиума ВЧК, с 1924 г. заместитель председателя ОГПУ, нарком внутренних дел СССР (1934–1936). В 1936–1937 гг. нарком связи СССР. Возглавлял органы внутренних дел, был одним из главных исполнителей массовых репрессий. Расстрелян.

– Нам необходимо взять под неусыпный контроль чекистов работу военной разведки и улучшить показатели этого важнейшего подразделения Генштаба. Ваше мнение?

Артузов молчал, слишком неожиданным оказалось предложение.

– Ну хорошо, подумайте над нашим предложением и через неделю обсудим, – Сталин махнул рукой, давая понять, что беседа окончена...

Утром у себя в отделе на Лубянке Артузов сидел за столом своего кабинета и внимательно читал документ. «В чем дело? – уже в который раз в голову помимо его воли приходила мысль. – Почему польская информация пришлась вождю не по вкусу? Неужели агентура нас обманывает? Сталин ведь не мог ошибаться».

На приветствие вызванного Отто Штейнбрюка²⁴, начальника третьего, немецкого, направления, он, подняв голову, рассеяно ответил: «Здравствуй, садись...» – и продолжал изучать лежащий перед ним документ.

– Вызывали? – напомнил о себе Штейнбрюк.

– Чаю хочешь? Возьми там, – указал он рукой на столик в углу кабинета.

– Кто же откажется от вашего чая, – пошутил начальник направления.

Он налил стакан крепкого душистого чая, завариваемого Артузовым по своей рецептуре, опустился на стул у приставного столика и, положив в рот кусочек сахара, с удовольствием сделал несколько глотков.

Перед Артузовым лежал лист бумаги, исчерканный синим карандашом. Штейнбрюк, взглянув мельком, подумал, что это, очевидно, текст шифротелеграммы для одной из резидентур, дела, как известно, совершенно секретного. Он знал, что каждое слово в таких документах тщательно выверяется, что продумывают и составляют текст исполнители или направленные, но вся ответственность за содержание шифротелеграммы лежит на руководителе разведки или его заместителе.

Его восхищало в Артузове умение при любых обстоятельствах сосредоточиться, отключиться от всего второстепенного в данную минуту, а главным для начальника ИНО были, как ему казалось, эти исчерканные строки.

Помедлив, Штейнбрюк взял одну из нескольких булочек, лежавших на блюде, – секретарша приносила их из общей столовой.

– Вчера собирали представителей всех внешнеполитических ведомств, – вдруг спокойно сообщил Артузов.

– Где?! – от неожиданности Штейнбрюк поперхнулся.

– Собирали ночью, в Кремле. – Артузов поднял голову, и Штейнбрюк понял, что он переключился и думает сейчас о текущих делах отдела. – На совещании Сталин поднял вопрос о возможности заключения Польшей договора с нами либо с Германией...

– И вы сказали, что с Германией? – быстро спросил Штейнбрюк.

– Да, основываясь на информации источника А/30 из польского посольства в Берлине, А/36 из аппарата министерства иностранных дел Польши и А/201 из полицейского-президиума Берлина, я высказал предположение, что поляки нас обманывают, а мирный договор заключат с Германией.

– И что Сталин?

– Вот тут-то и вся загвоздка, – нахмурился Артузов. – Понимаешь, мне показалось, что ему не понравилась наша информация. Он даже поинтересовался, не дезинформируют ли нас источники.

– Думаете, он располагает какой-то другой информацией?

²⁴ Штейнбрюк Отто Оттович (1898–1937). Служил в ВЧК с 1920 г. Был резидентом в Швеции. С 1931 г. начальник немецкого отделения в ИНО. В 1935–1937 г. на ответственной работе в Разведуправлении РККА. В 1937 г. необоснованно репрессирован и расстрелян.

– Не знаю, но такой возможности не исключаю. На всякий случай сделай подборку из сообщений этих источников, и пусть она будет у меня под рукой.

– Сейчас же сделаю, Артур Христианович!

– Теперь давай закончим обсуждение берлинских дел. Прошлый раз нас прервали. Что-нибудь важное поступало?

– Резидентура сообщает, что встречу Карла с А/201 случайно видел в ресторане агент абвера Моллис.

Штейнбрюк протянул Артузову оперативный документ, который тот внимательно прочитал.

– У меня возникают вопросы, – сказал Артузов, положив письмо на стол. – Во-первых, почему Карл встречается с А/201 в ресторане «Захи» в центре города? Что, ресторанов в более отдаленном месте нет? Во-вторых, Моллиса Карл знает, как же он мог не заметить его в ресторане? Подготовь телеграмму и укажи, что мы ставим Карлу на вид за подобную небрежность в работе!

– Это еще не все, Артур Христианович! – Штейнбрюк был явно удручен. – А/201 провел проверку в визовом отделе полиции-президиума и не обнаружил там дела Карла по оформлению вида на жительство. Его кто-то изъят! Агент порекомендовал Карлу проявлять осторожность и избегать контактов с полицией и штурмовиками.

– Ты связываешь это обстоятельство с проколом в ресторане? – спросил Артузов.

– А/201 утверждает, что Моллис Карла не знает, поэтому ничего страшного в том, что он видел их в ресторане, нет. Возможно, что изъятие дела Карда в полиции-президиуме связано с общим ужесточением властями режима пребывания иностранцев в Берлине, – высказал предположение Штейнбрюк.

– Попроси резидентуру в Берлине осторожно провести проверочные мероприятия вокруг А/201, – приказал Артузов. – Напиши, пусть соблюдают максимальную осторожность. Карл в любой момент должен быть готов перейти на запасные документы. В любом случае ему нужно срочно готовить замену! Кстати, Зарубин²⁵ здесь?

– Зарубин прибыл и ожидает вашего вызова, Артур Христианович!

– Хорошо, сейчас закончим с немецкими делами и пригласим его, – решил Артузов. У тебя все?

– Нет, Артур Христианович, еще не все!

Начальник немецкого направления был по характеру несколько флегматичным человеком, но с бульдожьей хваткой. В отделе все знали, что если он за что-то взялся, то быстро отделаться от него было невозможно.

– Ну, что еще?

– Карл сообщает, что А/201 хотели повысить в должности и перевести во второй отдел. Но он отказался, сославшись на то, что ему предстоит операция на почках. А/201 хочет остаться на прежней должности, которая соответствует состоянию его здоровья. Его непосредственного начальника криминальсекретаря Шлафа переводят в Министерство иностранных дел. Возможно, что А/201 назначат на его место.

Штейнбрюк сделал паузу, ожидая реакции Артузова, но тот молчал. Тогда начальник направления продолжил:

– И вот еще. А/201 удалось получить копию доклада криминальсекретаря Геллера из второго отдела. В нем особенно важны два места: первое, где говорится, что у немцев есть источник информации в аппарате военной разведки РККА. Пока не ясно, где он, то ли в

²⁵ Зарубин Василий Михайлович (1894–1972), генерал-майор. Во внешней разведке с 1925 г. На нелегальной работе с 1927 г. Был нелегальным резидентом во Франции, Германии. В 1937–1941 гг. работал в центральном аппарате разведки. С 1941 по 1944 гг. находился в США в качестве резидента легальной резидентуры. Затем был назначен заместителем начальника внешней разведки. На этой должности проработал до 1948 г., когда вышел в запас по состоянию здоровья.

резидентуре военной разведки в Берлине, то ли здесь, в Москве. Берман пока ничего не предпринимает, ожидая наших указаний.

– Это серьезно! – Артузов задумался. – Мне нужно обсудить этот вопрос с руководством Разведупра РККА, и тогда решим, что делать. Торопиться не будем. А что второе?

– Второе, Артур Христианович, это информация о деятельности немецкого МВД с использованием русских эмигрантов. Вот посмотрите, – Штейнбрюк протянул Артузову документ.

Тот взял лист и быстро стал читать:

«МИД Германии поставил в известность первый отдел о возобновившейся с середины прошлого года деятельности определенных лиц по изготовлению фальшивок. Уведомил об этом Курт Янке, который работает для МИД в области разведки...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.